

Секция 2

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: ДУХ И ГРАНИЦЫ

23 мая 2008 г. СПбГУП, ауд. № 421

Руководители секции:

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович — директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП;

ПРУЖИНИН Борис Исаевич — заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии» (Москва), доктор философских наук;

МАМОНТОВ Владимир Константинович — главный редактор газеты «Известия» (Москва)

КРУГЛЫЙ СТОЛ

В. К. МАМОНТОВ: — Хочу поблагодарить всех организаторов за приглашение на эти замечательные Чтения, чрезвычайно важные для духовного развития нашей страны и всех, кого интересует духовное развитие России. Идея поговорить на эту тему пришла мне, и я обсудил ее с моими друзьями и с людьми, которым она показалась любопытной. И я благодарю всех, кто решил принять участие в обсуждении этой темы.

Я не ученый-теоретик, а практикующий редактор, и жизнь заставляет меня задумываться над самыми разнообразными проблемами, которые попадают в поле зрения газеты. И для меня как редактора газеты и как просто человека, интересующегося многим, действительно существует важный вопрос: что происходит сегодня с Европой, каково наше отношение к западному миру и как Европа и Запад в целом относятся к нам? Для меня чрезвычайно важными были последние политические события в Европе, они заставили задуматься о том, каким будет наше ближайшее будущее. Я имею в виду, в частности, прецедент в Косово, который, на мой взгляд, не только изменил политическую картину мира, но и нарушил некое внутреннее равновесие, наверное, каждого человека. Во мне, например, пошатнулось понимание того, кто я такой — европеец или азиат, двухголовое ли чудовище, как нарисовано на гербе России, или все-таки человек, смотрящий в одну, нужную, сторону.

В ходе предвыборной кампании нам с Григорием Алексеевичем Явлинским довелось очень бурно полемизировать на эту тему в прямом эфире на радио «Эхо Москвы». Г. А. Явлинский сказал мне: «Владимир, посмотрите на себя в зеркало. Что же вы еще думаете? Конечно, вы европеец». Я сказал: «Зеркало — это еще не все, есть еще что-то внутри, что заставляет меня в этом сомневаться. Иногда я думаю, что это не так».

Если вчера европейские ценности для меня и для многих, очевидно, в мире представляли несомненный ориентир, то сегодня, мне кажется, это не так. То лицемерие и странные вещи, которые происходят сейчас в Европе, и то, как она реагирует на вызовы времени со стороны США, России, мусульманских и других держав, заставляют меня задуматься: где же границы европейской ментальности, каковы они и что происходит с тем, что мы называем европейским духом, если таковой вообще существует?

Когда на рубеже XIX–XX вв. возник вопрос о существовании Бога, Достоевский сказал устами своего героя: «Если Бога нет, то все позволено», а другой, европейский мыслитель Ницше высказался иначе: «Если Бога нет — и слава Богу. Бог умер — и слава Богу».

Если говорить о сегодняшних мировых взаимоотношениях, то, несомненно, что с возникновением прецедента в Косово старые мировые европейские ценности сильно поколеблены, если не разрушены. Лично я не могу присоединиться к тем, кто считает, что это не страшно: «Ну нарушены, разрушены, разбомблены и закрыты эти самые мировые ценности мирового общечеловечия, и бог с ними». Для меня чрезвычайно важно иметь твердое понимание, является ли прецедент в Косово абсолютно ясным и дает ли он основание сказать: «И бог с ним»? Если допустить эту мысль, тогда мы все должны следовать этому примеру, поскольку в мире, где разрушаются нравственные и иные ценности, бессмысленно быть Робинами Гудами и продолжать отстаивать их в одиночку.

Прошу прощения за, возможно, абсолютно ненаучный подход к проблеме, и надеюсь, что все вместе мы сможем найти иной ответ вызовам времени.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Владимир Константинович Мамонтов назвал себя практикующим редактором, но есть иной термин — «практикующий гуманитарий». Себя же я, видимо, могу назвать теоретизирующим гуманитарием.

Затронутая нами тема «Европейская ментальность: дух и границы» исключительно важна, поскольку непосредственно касается каждого из нас. Владимир Константинович сказал, что его из равновесия вывел случай с Косово, а меня, если говорить о проблеме исторического самосознания и идентичности, лишил душевного равновесия 1999 г., когда НАТО начало бомбить Сербию. Тогда для меня начался совершенно новый век, новое летоисчисление. Должен признаться, что я до сих пор нахожусь в смятении. У меня отсутствует ясное представление о нынешнем мире и о том, куда идет человечество, какая перспектива ждет нас всех в будущем.

В нашем сегодняшнем обсуждении, думаю, могут быть рассмотрены самые разные критерии заявленной темы, и вряд ли можно обо всем договориться. Совершенно очевидно, чтобы говорить о европейской

ментальности, обязательно должен присутствовать принцип самопричисления, или самоидентификации, то есть причисляем ли мы себя к европейской культуре и присуща ли нам европейская ментальность. Мне кажется, это очень важный принцип именно для России. В конце концов, это просто ненормально, когда такая большая нация находится в недоумении относительно своего цивилизационного статуса. В общественных дискуссиях выделяются три позиции на этот счет: евразийская, европейская или особая российская культура и цивилизация. Иногда, впрочем, российская и евразийская цивилизации отождествляются. Поэтому вопрос национальной самоидентификации сегодня особенно актуален.

Мы, конечно, выражаем отношение к Европе, к тем стандартам, которые она сейчас практикует, той позиции, которую она занимает в мире сегодня, но при этом для нас все-таки самым важным является наша соотнесенность в ней. А значит, как-то мы себя все-таки воспринимаем.

Правильна ли вообще постановка вопроса, нужна ли нам Европа, входить ли нам в общеевропейский дом, можем ли мы построить наш европейский дом? Наверное, надо сначала все же выяснить, не Европа ли мы сами или — почему мы не Европа? Почему мы или кто-то еще решили, что мы не Европа? Этот вопрос означает, ответственны ли мы за Европу или нет? Например, ответственны ли мы за трагедию в Косово, за бомбардировку Сербии?

Если посмотреть на историю Европы, то можно найти много подобных ситуаций, когда европейских интеллектуалов не смущало то, что происходило в их странах в тот или иной момент. Скажем, французских мыслителей-энциклопедистов не смущало состояние Франции той поры, а Маркса — состояние Германии. Они скептически относились к тому, что происходило тогда в Европе, но не отказались от нее, а потому, быть может, им удалось продвинуть ее вперед. Почему же мы смотрим на Европу со стороны?

Этот ракурс проблемы наиболее интересен, как мне кажется, при рассмотрении вопроса о духе и границе европейской ментальности с точки зрения нашего культурного самосознания, нашей культурной идентичности.

Б. И. ПРУЖИНИН: — Я хотел бы, чтобы при обсуждении нашей темы прозвучали и профессиональные мнения — не общеполитические, а более конкретные. Мы все имеем разные профессии, интересы, политические взгляды и убеждения, но хотелось бы, чтобы в нашем обсуждении превалировал не политический момент, а некоторые более основательные вещи, то, что лежит в основе нашего не очень ясного представления о том, принадлежим ли мы к Европе или нет, и что для нас из этого следует, и как мы соотносимся с Европой...

В. М. МЕЖУЕВ¹: — Поскольку времени для выступления отводится мало, а вопросы заданы глобальные, приходится говорить, наверное, в несколько афористической форме. Говоря о диалоге цивилизаций, необходимо предварительно уяснить, что

следует понимать под диалогом, какой тип общения и межчеловеческой коммуникации можно называть диалогом и любая ли цивилизации способна к нему. Если понимать под диалогом весь спектр отношений между цивилизациями — от конфронтации до сотрудничества, то проблемы просто нет. Во все времена люди, принадлежащие к разным цивилизациям, как-то сосуществовали и взаимодействовали друг с другом — вступали в договоры и соглашения, обменивались товарами и дарами, занимались полезными для себя изобретениями и знаниями. Можно ли все это называть диалогом?

Сама идея диалога родилась на Западе, является западной идеей. Первыми о диалоге заговорили греки. В Новое время эта идея модифицировалась в теорию общественного договора, ставшую аксиомой европейской политической философии и правовой теории. Различные современные варианты теории диалога ограничиваются, как правило, социальным и духовным горизонтом Запада, ибо только здесь впервые сформировались условия, необходимые для вступления в него. Что же это за условия?

Первым и наиболее важным условием диалога является отказ его участников от какого-либо предварительного знания истины. Диалог возможен исключительно в режиме незнания истины, ее сокрытости от человека. О том, что известно заранее, не спорят. Мудрецы и пророки Востока, которым истина была дарована свыше, не вступали между собой в диалог. Восточная мудрость, существовавшая в форме пророчества, откровения, боговдохновенного знания, если и нуждалась в диалоге, то только с Богом. Греки первыми поняли, что истина рождается в процессе спора между людьми, в котором ни у кого нет монополии на нее. В диалоге все равны перед истиной. Диалог не терпит никакой иерархии званий, положений и авторитетов. Отсюда другое условие диалога — способность мыслить посредством своей, а не чужой головы. Диалог не просто обмен словами, но такой, который принимает форму систематически развернутого, доказательного разговора.

Что же следует понимать под диалогом? Люди всегда общались между собой посредством устной или письменной речи, но не всякая речь является диалогом. Диалог есть *разговор с другими о себе*. Желая понять себя, мы ведь обращаемся не только к себе, но и к тем, кто жил до нас или живет рядом с нами. Диалог важен для тех, кто хочет увидеть себя глазами других, как бы посмотреть на себя со стороны. Диалог есть следствие потребности человека в самосознании, которое нельзя выработать без посредства других, свести к простому сомнению и которое в любом случае нуждается во взаимопонимании.

Спрашивая о себе у других, люди вступают между собой в подлинно человеческие отношения, ибо относятся к кому-то по-человечески — значит видеть в нем продолжение или отражение самого себя. Диалог всегда есть диалог личностей, субъектов, каждый из которых утверждает свою субъективность путем не отрицания, а признания субъективности другого. Отношение, в котором другой человек уподобляется объекту, лишенному собственного голоса и сознания, перестает быть человеческим отношением.

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва), доктор философских наук, профессор.

В этом смысле диалог не совместим с отношениями типа «субъект–объект». Цивилизация, двигаясь в логике объективации (овеществления, отчуждения) человеческих сил и отношений, превращающая человека исключительно в объект познания и управления, к диалогу неспособна. Такая цивилизация может обрести глобальные масштабы, распространиться по всему свету, но не способна вступать с другими цивилизациями в диалогические отношения. Свои проблемы она предпочитает решать посредством не столько диалога, сколько диктата и силового давления, путем своей экономической, политической и культурной экспансии. Подобная стратегия поведения чревата, естественно, острыми противоречиями и конфликтами, опасностью столкновения цивилизаций.

Цивилизации, не достигшие в своем развитии ступени индивидуальной свободы, к диалогу, следовательно, неспособны. Он возможен лишь в условиях личной — политической и духовной — свободы каждого индивида. Такую цивилизацию можно назвать *универсальной*, не отождествляя ее ни с одной из ныне существующих цивилизаций. Она базируется на социальном и культурном равенстве всех людей планеты. С этой точки зрения правильнее, видимо, ставить вопрос не о *диалоге цивилизаций*, а о переходе к единой для всех (в этом смысле универсальной) *цивилизации диалога*.

По-видимому, единственное решение — идти по пути некоторого примирения, и в этом суть того диалога, который Россия на протяжении уже двух столетий ведет с Европой. Если правильно понимать, она не отрицает римскую правовую идею, но пытается ее чем-то дополнить. Так я понимаю данную проблему.

А. П. МАРКОВ¹: — Россия и Европа — два полюса христианской цивилизации, в аксиологической плоскости в чем-то даже взаимоисключающие друг друга. Не случайно почти во все исторические эпохи они находились в ситуации диссонанса.

Эпоха максимальной близости этих культурных моделей приходится на XI–XV вв., когда русская культура активно осваивала христианство, а Западная Европа еще не прошла через Реформацию. Первое и самое существенное «окно в Европу» было прорублено князем Владимиром — в духовный мир Византии, откуда на Русь пришла аутентичная, подлинная духовная христианская традиция, которая органично впитала гуманистическую энергетику античной культуры (и прежде всего Древней Греции). То есть уже на самых ранних этапах формирования русской культуры были обозначены ключевые христианские ценности и соответствующие им человеческие качества — любовь, сострадание и прощение, равнодушие к материальному благополучию и человеческая солидарность.

«Духовной развилкой», где разошлись пути русской и западноевропейской культур, стали XV–XVII вв. Именно в то время Русь начинает осознавать свою духовную миссию во всемирной истории, суть которой была выражена формулой: «Москва — Третий Рим». Эта миссия впервые была заявлена

в послании псковского инок Филофея великому князю Московскому Василию: «Все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, и это — российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать». И уже на основе осознания этой великой миссии «русская идея» впоследствии стала приобретать государственный, национально-политический характер, успешно решая объединительные и экспансионистские задачи.

Суть Реформации можно свести к нескольким проектам, которые сыграли существенную роль в ревизии этического идеала христианства (и прежде всего тех ценностей, которые содержит Нагорная проповедь Христа). На языке культурологии суть реформ состояла в том, чтобы разрушить психокультурный механизм «творения человека по подобию», то есть ликвидировать духовных референтов, транслирующих этический идеал христианства. Были упразднены основные таинства (в том числе ликвидированы культы Богоматери, святых, поклонение мощам, иконы и т. д.). Далее была произведена десакрализация мира, который предстал уже не как творение Божие, а как поле человеческой деятельности, природа стала чуждой средой, которую надо совершенствовать, которой надо овладевать. В итоге была создана механистическая картина мира, которая расчистила поле для безудержной активности человека (эти идеи хорошо были развиты в английской философии, и прежде всего в работах философа-материалиста Томаса Гоббса). Но главная идея реформ состояла в создании *нового смысла бытия*. В частности, Кальвин разрабатывает «концепцию избранных», в которой он утверждает, что Бог еще до рождения определил одних к жизни, других — к смерти. Критерий избранности — успех в мирской деятельности. Однако свою избранность человеку надо доказывать все новыми и новыми успехами в земных делах. Работа становится религиозным служением, а богатство — критерием богоизбранности. Вот где коренится источник фантастической человеческой энергии, сотворившей капиталистическую цивилизацию!

Иными словами, Западная Европа прошла через глобальную культурную революцию, и человеку, как и культуре в целом, надо было заново обрести идентичность. И западный мир ее обрел — этический идеал составили новые «заповеди блаженств»: блаженны стали избранные (то есть богатые и успешные), трудолюбивые (ведь работа стала формой служения Богу), активные и успешные, творящие мир и преобразующие его в своих целях. Как известно, на утверждение этих ценностей ушло более двух веков: XVI в. — мировоззренческая революция, XVII в. — промышленная революция, и уже в XVIII в. завершается становление капитализма как цивилизации.

Протестантизм и кальвинизм стали источником революций в Нидерландах и Англии, позднее эта идеология легла в основу промышленных движений, она стала мировоззренческой основой образа и смысла жизни пуритан, которые впоследствии составили социальную базу Североамериканских колоний и определили культурную модель США. Христианство, которое изначально было религией угнетенных, стало религией сытых и богатых,

¹ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук.

которые свою формальную принадлежность манифестировали актом милостыни или фактом материального пожертвования — им этого казалось достаточно, чтобы заявить Богу о своей лояльности. В контексте этих событий становится понятной формула Шпенглера: западная цивилизация образовалась на «кладбище культуры» — на обломках и развалинах ее духовных основ, формировавшихся в лоне христианства,

Таким образом, начиная примерно с XVI в. в христианской культуре сосуществуют два постепенно расходящихся вектора. На одном полюсе — русская культура, которая продолжает оставаться не просто разновидностью европейской христианской культуры, но ее концентрированным выражением, сохраняя в историческом времени духовное ядро. Отечественные мыслители (К. Леонтьев, Ф. Достоевский, Н. Данилевский) понимали подлинную суть метаморфоз западного христианства, считая, что духовный надлом западной культуры имеет давние корни. Увы, христианство не выдержало искушений Антихриста: властью, сытостью и чудом. Первое искушение властью произошло в IV в., когда христианство стало государственной религией Римской империи. А в VIII в. это искушение принимает крайние формы — было образовано папское государство с неограниченной властью со столицей в Риме (интересна одна закономерность: именно с VIII в. начинается массовое появление мессий и новых псевдохристианских движений). Искушение сытостью произошло уже после Реформации, с развитием капитализма. Анализируя духовную агонию западной культуры XIX в., К. Леонтьев писал, что буржуазный прогресс ведет Европу к торжеству мещанства, пошлости, ускоряя приход антихриста. При этом он верил в высокую историческую миссию России, которая призвана спасти мир, сохраняя для будущего альтернативные варианты духовного существования в гармонии с природой и Богом.

Русская культура сохранила дух и сущность подлинно христианской (а значит, и подлинно европейской) культуры, вопреки (а может быть благодаря) всем соблазнам и тяжким испытаниям, выпавшим на ее долю. В XIX в. она подхватила выпадающую из ослабевших рук западноевропейской культуры духовную эстафету, продолжила и сохранила христианский дух европейской культуры, который та к тому времени почти утратила (именно об этом писал О. Шпенглер в своей известной книге, отмечая, что победа капиталистической цивилизации стала возможна лишь после того, как была убита «душа культуры»).

Таким образом, трудности межкультурного диалога России и Западной Европы во многом обусловлены разностью культурных миров. Но эти же ценности второе десятилетие исповедует и русская культура, духовная матрица которой была существенно скорректирована эпохой демократических реформ и глобальными «агентами культурного влияния» (западной рекламой, голливудской продукцией и т. п.).

Однако, как это ни парадоксально, сегодняшние попытки выстроить межкультурный диалог с Западной Европой на базе нашего «языческого общего» не приобретают конструктивного характера. И основная причина состоит в том, что одна из участниц

диалога, а именно русская культура, утратила духовную идентичность. Западная же культура сегодня более аутентична и целостна — пусть и в системе языческих ценностей, но она шла к этой модели несколько веков начиная с эпохи Реформации. Русская культура такого опыта реформирования не имеет, сегодня она предельно маргинальна, содержит взаимоисключающие ценностные модели. Поэтому сегодня для России вхождение в свою собственную духовную традицию является более актуальным, чем интеграция в «европейский дом», в духовных пространствах которого переживает агонию западноевропейский рационализм.

Шанс обрести идентичность есть — отечественная история знает немало таких эпох, и ключевая роль русской культуры в национальном возрождении состояла в ее способности адекватно реагировать на вызовы времени.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ¹: — У меня вопрос к обоим докладчикам. Вы очень четко связываете границы европейской культуры с христианской. То есть Греция, как я понял, выпадает из этого пространства?

А. П. МАРКОВ: — Первое «окно», которое Россия «прорубила» в европейский мир, — это Крещение. Это было связано с усвоением не только христианской, но и греческой культуры, потому что Византия взяла органичный пласт духовной культуры, а не пласт патологий и девиаций, который вошел в эпоху западного Возрождения. Поэтому, на мой взгляд, подлинная христианская европейская культура пришла на Русь через Византию. Второе «окно», конечно, «прорубил» Петр I, и это уже «окно» в латинский мир, в неподлинную и очень усеченную Древнюю Грецию.

В. М. МЕЖУЕВ: — Запад начинается с образования греческого полиса — афинского. До сих пор историки-антиковеды спорят о том, как в составе восточной формы — Крит и Микены — вдруг возникает нечто принципиально иное, афинская демократия. Это одна из самых великих тайн исторической науки: как за очень короткое время возник полис? И, конечно, западная цивилизация начинается оттуда. Европейская культура держится на двух традициях, идущих из Афин и Иерусалима. В истории Европы эти две традиции сочетаются отнюдь не органически. Русская, так сказать византийская, традиция пытается охранить христианское начало от засилья якобы античного язычества.

В. Б. КУВАЛДИН²: — Одной из наиболее привлекательных черт глобалистики — науки, изучающей глобализацию, — является дискуссионный характер всех ее основных положений и установок. Здесь нет каких-либо истин, освященных временем авторитетов, — все спорно, у каждой точки зрения есть свои сторонники и противники.

Поэтому все работающие в этой сфере должны максимально ясно и точно формулировать свою

¹ Заместитель главного редактора журнала «Человек» (Москва), кандидат философских наук.

² Исполнительный директор круглого стола «Экспертиза» Горбачев-фонда, заведующий кафедрой Московской школы экономики, доктор исторических наук, профессор.

позицию, чтобы избежать ненужных недоразумений. Я исхожу из того, что современный этап глобализации начался в середине XX в., после окончания Второй мировой войны. Тогда в качестве образца человечеству были предложены две модели жизнеустройства, которые с немалой степенью условности можно назвать капиталистической и социалистической. Их яростное противоборство заняло всю вторую половину века и закончилось победой либерального капитализма, его утверждением в качестве общезначимого ориентира. Можно сказать, что на этом завершилась вековая эпоха конфликтов внутри европейской цивилизации.

За соперничающими моделями жизнеустройства стояли наиболее влиятельные группы государств, претендующих на мировую гегемонию. Историческая победа капиталистического образа жизни означала превращение западного мира во главе с США в основного распорядителя и бенефицианта глобализационных процессов. 1990-е гг. стали новым золотым временем для Америки, а сама глобализация превратилась чуть ли не в синоним американизации мира. И казалось, что такое положение дел сохранится неопределенно долгое время.

Однако новый век, начало нового тысячелетия ознаменовались заметной сменой декораций на мировой сцене. С одной стороны, американская гегемония оказалась не столь прочной и устойчивой, как это представлялось ранее. Ее подрывают острые финансово-экономические проблемы США, провал амбициозного замысла демократизации Большого Ближнего Востока, быстро набирающий силу антиамериканизм в мире. С другой стороны, стремительно поднимаются новые центры силы, претендующие на ключевые роли в глобальном мире: Китай, Индия, Россия, Бразилия, региональные державы (ЮАР, Индонезия, Иран и др.). В итоге «американский век» может оказаться гораздо короче, чем это виделось совсем недавно.

Большинство новых центров силы никогда не были органической частью европейской цивилизации и к этому не стремятся. Нередко это древние цивилизации с мощной культурной традицией, со своим, особенным видением мира. Они представляют собой самостоятельные, оригинальные модели экономического, политического и культурного развития, доказавшие свою жизнеспособность в условиях глобальной конкуренции. Они не только не склонны к слепым заимствованиям с Запада, но и нередко убеждены в преимуществах своего образа жизни.

Из сложившейся практики мы знаем, что обычно смена лидера, перераспределение ролей на мировой арене осуществлялись силовыми методами, через конфликты, кризисы, войны. В глобальном мире издержки подобного «выяснения отношений» слишком велики. Требуются иные методы, иной алгоритм поиска решений. Здесь нет разумной альтернативы партнерству цивилизаций.

По-видимому, настоящее партнерство цивилизаций невозможно без надежной общечеловеческой культурной основы. Эта основа может быть выработана только в процессе взаимодействия людей различных культур в решении общезначимых проблем разного уровня и степени сложности. Поэтому диалог цивилизаций должен идти не только в философ-

ско-теоретическом ключе, но и в практической плоскости. Лучшей площадкой для него является само создание и обустройство глобального мира.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Очень интересно. Но хочу спросить: как вы представляете кризис европейской цивилизации? Допустим, Европа исчезает с политической и географической карты как геополитическое образование. Значит ли это, что из состава человеческой культуры исчезнут европейские ценности, как исчезла и Древняя Греция? Что вы подразумеваете, когда говорите о кризисе: это кризис геополитический или всей системы европейских ценностей?

В. Б. КУВАЛДИН: — Короткий вопрос, короткий ответ. Первое. Нет, не значит, потому что они обладают огромной заражающей силой, и в восточноевропейской цивилизации они присутствуют, хотя и не доминируют. Второе. Мой взгляд на Европу и ее будущее куда более оптимистичен. Я считаю, она никуда не исчезнет. Европа проводит феноменальный эксперимент с Европейским Союзом. Полагаю, что у нее есть реальные шансы остаться мировым центром силы и, возможно, в этом качестве несколько потеснить США.

Н. Б. КОНДРАТЬЕВА¹: — Противоречивая история и география создали благоприятную почву для бесконечных рассуждений и споров теоретиков относительно ценностной ориентации России. Географическое положение на стыке Европы и Азии всегда оказывало мощное влияние на экономическое развитие страны, ее внутреннюю и внешнюю политику, культуру и представление о ценностях. Россия географически расширялась преимущественно на Восток, но всегда была восприимчива к европейским проектам, направленным на модернизацию общественной жизни. Да и европейцы, бесспорно, отдавали должное русским талантам. История, однако, не баловала Россию и Европу возможностями для сближения. И сегодня уровень их экономической и политической интеграции все еще остается минимальным.

Аналитики выделяют, по крайней мере, четыре крупные попытки западников в России преодолеть последствия изолированности от остальной Европы. Каждая из них, включая последнюю, предпринятую в начале 1990-х гг., оканчивалась откатом от европейских ценностей. Возродится ли в России доктрина «евразийства» и на этот раз?

На границе ЕС и России уже создано семь еврорегионов; четыре учреждено в Причерноморье. Успешных конкретных проектов реализовано достаточно. В то же время нельзя не отметить, что информационные сайты еврорегионов с участием российских территорий содержатся в плохом состоянии. Россия, как было обещано на заседании Совета глав субъектов Федерации в Курске в декабре 2007 г., будет и впредь на долевой основе финансировать проекты интеграционного сближения. Это автоматически дает России право участвовать в процедуре принятия концептуальных решений.

¹ Заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН (Москва), кандидат экономических наук, доцент.

Действительно ли близки европейские ценности современной России — стремление к свободе и самовыражению, строительству эффективной, но справедливой рыночной экономики, научно-техническому прогрессу при уважении традиций? В России недоумевают: «Мы тоже за права человека и понимаем, говоря словами Маяковского, “что такое хорошо и что такое плохо”, и стремимся к тому, чтобы было хорошо».

Нам, безусловно, виднее, сколь много Россия уже сделала в процессе построения демократии и справедливого рынка. Однако в ЕС всегда найдется в ответ перечень фактов, свидетельствующих об откатах России от провозглашенных ею демократических принципов. Сегодня можно почти с уверенностью сказать, что судьба будущего соглашения о стратегическом партнерстве напрямую зависит от того, сколь жесткими будут критики российской демократии. Но если это так, то к концу десятилетия мы вряд ли дождемся текста нового соглашения. Более того, в решении таких глобальных проблем, как терроризм, экологическая катастрофа, нелегальная миграция, распространение оружия массового поражения, Россия и ЕС будут все так же далеки от стратегического партнерства, как и в 1997 г., когда действующее Соглашение вступило в силу.

Между тем закончились времена, когда сам Евросоюз мог малыми средствами удовлетворять собственные имперские амбиции и расширять территорию, используя практически одни только политические механизмы. Как бы богаты ни были государства — члены ЕС, денег в их общем бюджете на новые земли не хватает. Поэтому все отчетливее просматривается необходимость реконструкции во внешнеполитическом курсе ЕС. Если ранее в программах, ориентированных на соседей, ЕС брал на себя большую часть концептуальной и управленческой работы и делал из своих партнеров предсказуемую периферию, пассивно получающую техническую помощь, то теперь он вынужден будет идти на равноправные отношения со странами и группировками стран, действующими в соседних регионах. Так уже произошло с северным измерением, так это, видимо, в конце концов случится и с черноморской политикой ЕС.

Для нас важно то, что споры, которые ведутся в стране не один век между западниками и славянофилами (или евразийцами), небесполезны и сегодня. В этих дискуссиях появился новый смысл. Во-первых, они необходимы в качестве средства мягкой безопасности от угрозы распада страны на интеллектуальную, населенную, но бедную природными ресурсами европейскую часть и насыщенную природными богатствами, но практически незащищенную — азиатскую. Пока сильны в России западники, есть надежда на то, что для восточных ее субъектов не будет потерян смысл оставаться в составе Российской Федерации.

Во-вторых, эти дискуссии помогают снять «головкружение» от недавних успехов. Россия учится модернизации именно у Европы и имеет в этом смысле достаточный иммунитет к Азии. И когда со стороны ЕС слышится критика качества российских реформ, это тот самый «гром», очень полезный для России, который заставляет ее «креститься», то есть шевелиться. А потому есть смысл и в том многом,

что было сделано на европейском направлении с момента подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с ЕС, и есть, конечно, смысл продолжать эти начинания и дальше в соответствии с концепцией четырех общих пространств, строительству которых было положено начало на саммите в Санкт-Петербурге России и ЕС в 2003 г.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Мы выслушали первые четыре доклада. И мне кажется, что уже намечены какие-то основные линии дискуссии. При всей схожести позиций они все-таки разные. В. М. Межуев говорит о том, что Россия — это альтернативная версия той же Европы. В. Б. Кувалдин, насколько я понимаю, утверждает, что нам нужно рассматривать все в процессе более глобального конфликта между Европой и не Европой, Западом и не Западом, и что в этом контексте Россия, конечно, часть Запада, его периферия, однако при этом судьба Запада решается именно здесь. А. П. Марков же считает, что российская идентичность принципиально иная, чем та, которую культивирует в настоящее время сегодняшняя Европа, Запад, и в этом смысле мы уже разъединены. Н. Б. Кондратьева в своем докладе, как мне кажется, продолжала развивать первые две версии. Все это, несомненно, создает поле для дискуссии.

Б. И. ПРУЖИНИН: — Рассуждая о философии как специфическом европейском феномене, о феномене именно европейской культуры, Г. Г. Шпет, самый, пожалуй, профессиональный русский философ, писал: «Моментом зарождения философии как знания, философии в понимании и в смысле чистой европейской мысли, нужно считать тот момент, когда эта *мысль* впервые направила свой рефлексивный взор на самое же *мысль*»¹.

По сути, Г. Г. Шпет говорит здесь о возникновении специализированного философского самосознания культуры как о возникновении специфической характеристики этой культуры, то есть речь идет у него о событии, не просто маркирующем начало европейской культуры, но о событии, определяющем ее, очерчивающем контуры, границы этой культуры. Отчетливое, ясное осознание себя, осознание своих границ и определений есть специфическая характеристика европейской ментальности. И именно благодаря способности рефлексивно осознавать себя, свои пределы европейский тип культуры приобрел черты универсальности, способности соотносить себя с иными культурами, вбирать их в себя и изменяться, сохраняя себя. Этот тип культуры, как замечал Дмитрий Сергеевич, «наиболее универсален, наиболее восприимчив к другим культурам и обладает наибольшей способностью воздействовать на другие культуры. Европейская культура как определенный тип культуры открыта для других культур, и именно это обстоятельство делает ее культурой будущего, а в какой-то мере и культурой нашей современности»².

¹ Шпет Г. Мудрость или разум? // Шпет Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006. С. 315.

² Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 78.

Но событие, о котором говорит Шпет, стало возможным лишь постольку, поскольку в центре пристального внимания греков оказалось слово. Выраженная, зафиксированная в слове мысль привлекла внимание греков, помимо всего прочего, своей, так сказать, предметной представленностью, то есть мысль, выраженная в слове, стала зримой, поддающейся анализу, допускающей различение мысли как знания, мысли как мнения, мысли как веры... Напомню, что Платон так определял знание — феномен новый для древних греков и специфически европейский: «...знание — это истинное мнение с объяснением, а мнение без объяснения находится за пределами знания. Что не имеет объяснения, то непознаваемо <...> а то, что его имеет, познаваемо». И далее: объяснять — значит «выражать свою мысль звуками с помощью глаголов и имен, причем мнение как в зеркале или в воде отражается в потоке, изливающимся из уст» («Теэтет», 201с–210d).

Благодаря слову контуры культуры становились выразимыми и осознаваемыми. И до сих пор философия и филология, делая возможными друг друга, вместе, в связке очерчивают горизонт европейской культуры. Используя формулу, предложенную Н. С. Автономовой, можно сказать, что европеец существует до тех пор, пока в понятии его интересует то, что словесно, а в слове — то, что понятийно¹. Я полагаю, что этот двуединый «интерес» и сегодня фиксирует границы европейской культуры.

Философия и филология всегда были рядом — на протяжении всей европейской истории. Иногда пути их расходились довольно далеко, но внутренняя связь сохранялась всегда. Филология удерживает слово в центре культуры. Философия раскрывает его смысловой потенциал. Эту их близость хорошо осознавал Д. С. Лихачев — чувствовал и осознавал принципиальную важность их функционального единства. Особенно тогда, когда речь шла у него о русской культуре как европейской, об экологии культуры, об условиях диалога культур и пр.

Для меня полюсы отечественной филологии в XX в. олицетворяли две фигуры: С. Аверинцев и М. Гаспаров. Первый — почти растворяется в философии, второй — отталивается от нее. Д. С. Лихачев соединял в себе оба полюса, он чувствовал их различия и связь. В 1990 г., как только это стало возможным, Д. С. Лихачев публикуется в журнале «Вопросы философии», а в 1993 г. становится членом редколлегии, о чем я, как сотрудник редакции этого журнала, с гордостью напоминаю всем.

И. Н. ПАНАРИН²: — Ведущие группы российской политической элиты активно включаются в борьбу за принятие оптимальной, с их точки зрения, стратегии России на ближайшие десятилетия. Следует подчеркнуть, что информационно-аналитические центры российской политической элиты имеют порой диаметрально противоположные подходы в выборе стратегии развития России на долгосрочную перспективу. Следствием этого являются

¹ См.: Автономова Н. С. Заметки о философском языке // Субъект, познание, деятельность. К 70-летию В. А. Лекторского: сб. ст. М., 2002. С. 236.

² Декан факультета международных отношений Дипломатической академии (Москва), доктор политических наук, профессор.

различные сценарии изменения отечественной экономики, анонсируемые ими.

Интеллектуальные дискуссии российских аналитиков происходят на фоне все углубляющегося мирового финансово-экономического кризиса, который, к сожалению, не миновал и Россию. Он уже привел к незапланированному официальному уровню инфляции в России в 3,5 % за два месяца (январь–февраль). Растут цены на бензин и продукты питания, начался рост цен на хлеб.

1. В 2008 г. Россия может стать жертвой импортированного кризиса — «финансовой инфекции». В среднесрочной перспективе угрозы стабильности нашей финансовой системы исходят от спекулятивной атаки при позитивной экономической динамике, перегреве одного из сегментов внутреннего финансового рынка — эффект «домино» — падения экспортных цен. Сценарий импортированного кризиса станет реальностью на основе высокой корреляции финансового рынка России с глобальными рынками. По нашему мнению, опасения ученых-экономистов совершенно справедливы. Россия может стать жертвой информационной агрессии в финансово-экономической сфере, как и в 1998 г. Достаточно провести скоординированную информационную атаку через глобальные СМИ на психику иностранных инвесторов, и они «побегут» из России.

2. Прогнозы сценария спекулятивной атаки основаны на зависимости развивающегося рынка России от иностранных портфельных инвестиций и долгового финансирования нерезидентов. Либерализация счета капиталов, укрепление курса национальной валюты и высокая доходность внутреннего рынка привлекают в Россию поток иностранных «горячих денег», стимулируют арбитраж резидентов между дешевыми внешними заимствованиями и сверхдоходными рублевыми активами, как отметил Миркин. Он считает, что это классический сценарий «разогрева» финансового сектора экономики с последующей атакой на одном из сегментов финансового рынка при первых признаках переоценки рубля. По оценке экономистов, 40–50 % роста финансового сектора носят спекулятивный характер. Налицо концентрация рисков — кредитного, процентного, рыночного, валютного, ликвидности. Причем в ближайшие 3–4 года нарастает вероятность «мыльных пузырей». К такой концентрации рисков следует готовиться информационно-аналитическим центрам российской политической элиты. Риски должны быть рассмотрены и в ходе дискуссии на апрельском съезде «Единой России».

3. Высокая зависимость российской экономики от мировых цен на экспортное сырье предопределяет вероятность сценария финансового кризиса, вызванного ценовым риском. Мировые цены на нефть, газ, металлы подвержены непрогнозируемым колебаниям. В случае их резкого падения запаса прочности нашей экономики хватит на 4–6 месяцев, потом неизбежен кризис. Как известно, фундаментальной причиной кризиса в августе 1998 г. стало как раз падение цен на нефть.

С нашей точки зрения, такой антикризисный комитет необходим. Но, помимо финансово-экономических мер, Россия должна стать субъектом геополитики, что подразумевает создание и реализацию *собственного геополитического проекта*.

Идеологическая формула «суверенной демократии» была выдвинута правящей политической элитой России в ответ на реализацию комплекса информационно-идеологических операций, проводимых геополитическими конкурентами России (так называемых «оранжевых сценариев») на постсоветском пространстве. Она доказала свою эффективность при обеспечении процессов преемственности власти в России в ходе федерального цикла выборов 2007–2008 гг. Следует подчеркнуть, что авторы идеологической формулы «суверенной демократии» действовали правильно, и надо отдать должное их умению найти оптимальное решение в сложившейся ситуации информационно-идеологического наступления геополитических оппонентов, которое и было успешно реализовано.

Однако российская формула — стратегия «суверенной демократии» была вынужденной, оборонительной, обусловленной оперативной реакцией на наступательные действия геополитического проекта Новой Британской империи (НБИ). НБИ — главный геополитический и геоэкономический субъект современного мира, образованный после Второй мировой войны крупнейшими британо-американскими транснациональными корпорациями и банками. А оборонительная тактика всегда сопровождается комплексом компромиссов, часто тормозящих развитие российского государства и отечественного бизнеса.

Теперь России пора переходить в геоэкономическое и информационно-идеологическое контрнаступление. Ведь российские боевые корабли уже провели учения в Средиземном море, золотовалютные резервы приближаются к 500 млрд долл., а новый спутниковый телеканал RUSSIA today активно расширяет информационное влияние России в мире.

Россия-2012 должна теперь стать ядром интеграции Евразии и хранителем ее традиционных духовно-нравственных ценностей.

Победой в информационной войне за будущее России будет являться реальная интеграция Евразии.

Идея Евразийской Руси — это российский геополитический проект XXI в., представляющий собой интеграционное межгосударственное образование, базирующееся на духовных евразийских ценностях, общей истории и культуре. В основе интеграционного ядра Евразийской Руси должны быть бывшие республики Советского Союза, объединенные сегодня в СНГ. Оно противостоит геополитическому проекту НБИ, основанному на доминировании доллара в мировой валютно-финансовой системе. В геополитическом проекте НБИ Россия должна стать просто некоей сырьевой территорией, надежно обслуживающей все увеличивающиеся материальные потребности неразумной части транснационального капитала, использующего национальные государства (в том числе и членов G-8) в своих узкоэгоистических целях. В геополитическом проекте НБИ у России просто нет никакого будущего, как не может быть будущего у сырьевого придатка высокотехнологичных инновационных экономик мира. В рамках проекта НБИ нет будущего и у российской политической элиты.

Сущность стратегии России-2012 заключается в необходимости активного и жесткого ведения ин-

формационного противоборства для обеспечения реализации собственного геополитического проекта.

Совокупность условий, продиктованных геополитическим положением, историей, духовно-нравственными ценностями и культурой России, с достаточной определенностью задает ее место и функции в складывающемся новом миропорядке. Исторические факты свидетельствуют об актуальности мысли российского императора Александра III, согласно высказыванию которого у России не может быть союзников, кроме ее армии и флота, но есть и будут противники только в силу ее географического масштаба и размеров духовного, экономического и демографического потенциалов (напомним читателям о том, что в 1914 г. население России составляло 175 млн чел., а темпы его прироста были самыми высокими в мире — 32,5 %).

Вместе с тем следует отметить, что российский геополитический проект XXI в. не является конкурентом и противником геополитических проектов ЕС, Китая, Индии, Бразилии. Более того, на определенных этапах реализации российского геополитического проекта они могут являться ситуативными и стратегическими союзниками России.

Влияние России на решение кардинальных вопросов международной жизни, затрагивающих интересы нашего государства, в XXI в. стало возрастать, однако пока значительно уступает степени влияния СССР. В этих условиях усилилось стремление США и НБИ к ослаблению позиций России в политической, экономической, финансовой, информационной и военной областях.

России необходимо определить стратегию своего поведения в складывающемся новом мировом порядке информационной эры, особенно после размещения американских баз на территории Болгарии и Румынии, развертывания элементов ПРО в Польшу и Чехию.

Качественно новая ситуация, сложившаяся в мире, задача обеспечения национальной безопасности России настоятельно требуют глубокого осмысления происходящих в изменившемся мире процессов и принятия адекватных решений.

России следует информационно и дипломатически выступать против планов НАТО, направленных против нашей страны. В этом аспекте целесообразно системно развивать внешнеполитические идеи, высказанные президентом России В. Путиным 10 февраля 2007 г. в Мюнхене.

России целесообразно активизировать и усилить информационно-аналитическую поддержку проводимой политики ускорения строительства братского Союзного государства. Для этого важно разъяснять российским и белорусским гражданам, прежде всего через электронные СМИ, необходимость принимаемых и планируемых мер. Русский язык должен стать основой информационного общения стран СНГ.

Ключевой момент сегодняшнего этапа мирового развития можно сформулировать так: Евразийская Русь против Новой Британской империи. Победа в информационной войне может быть достигнута только при интеграции вокруг России стран СНГ, а также строительства Континентальной дуги. Союзниками России в борьбе с НБИ являются: ЕС, Китай, Индия, Бразилия, Иран, Венесуэла. Интеграционные процессы в Евразии являются

важнейшим элементом усиления геополитической и геоэкономической мощи России.

Основными направлениями политики России сегодня можно назвать следующие линии.

1. Стратегия на интеграцию России в Евразии. Геополитическое и экономическое положение России в системе международных отношений определяется ее уникальным положением на двух континентах: она находится в Европе и в Азии. Однако добавленную стоимость на переработке нашего сырья получают другие государства. К сожалению, Россия оказалась изолирована от интеграционных процессов, охвативших европейский континент. Строительство «общеευропейского дома», развернувшееся после окончания холодной войны, идет без ее участия. Европа консолидируется под флагом Европейского союза. По существу, понятия «Европа» и «ЕС» становятся синонимами. В ближайшие годы произойдет самое большое расширение Европейского союза за всю его историю: в его состав войдет подавляющее большинство европейских стран. За счет этого к 2010 г. его площадь и население возрастут примерно в полтора раза, и тогда Европейский союз будет по демографическим и экономическим показателям заметно превосходить Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА). После принятия в декабре 2007 г. Лиссабонского базового договора ЕС должен к началу 2009 г. стать мощным мировым геополитическим субъектом, с которым Россия должна стремиться иметь хорошие отношения.

Начинаются интеграционные процессы и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). На долю этих государств приходится треть мирового населения, а также около 20 % ВВП (как и ЕС), 25 % экспорта и 18 % импорта, а также 15 % притока прямых иностранных инвестиций. Однако следует подчеркнуть, что в ближайшие десятилетия экономическая доля АТР будет неуклонно возрастать.

Самой оптимальной формой взаимодействия с ЕС и странами Восточной Азии является строительство интеграционного межгосударственного образования Евразийская Русь.

Россия должна постепенно «втягивать» на взаимовыгодных условиях республику СНГ в Евразийскую Русь и создать евразийскую трансконтинентальную транспортно-энергетическую ось. Подписание 10 октября 2000 г. Договора о создании Евразийского экономического сообщества (ЕЭС) — начало этой интеграции. Россия-интегратор может рассчитывать не только на бесконфликтное существование с другими центрами силы, но и на их поддержку в случае, если кто-то попытается подорвать наши позиции. Ведь при этом под угрозой окажутся интересы не только России, но и наших партнеров.

Среди трудностей, которые стоят на пути экономической интеграции СНГ, отметим такие: сырьевой перекокс экономик большинства стран, фегишизация национальной суверенности и противодействие интеграции со стороны международного транснационального капитала.

2. Создание отношений стратегического партнерства с ЕС как новым геополитическим субъектом в рамках реализации Лиссабонского базового договора 2007 г. на основе ведения товарооборота в рублях и евро. Россия расположена между двумя

наиболее динамично развивающимися мировыми центрами деловой активности — Европой и Восточной Азией. Напомним, что в СССР была создана мощная транспортная система, которая позволяла ежегодно получать до 15 млрд долл. прибыли от транзитных перевозок. Россия оказалась отрезанной таможенными барьерами новых независимых государств от своих партнеров в Европе и на Среднем Востоке, утратила главные морские порты на Балтике и Черном море, потеряла значительную часть торгового флота. Еще раз хочется подчеркнуть, что успешное экономическое развитие России может быть достигнуто только при интеграции вокруг России дружественных стран СНГ, а также при более тесной экономической интеграции с ЕС. Именно это позволит создать стабильную Евразийскую транспортную систему, способную приносить России гораздо большие прибыли, чем от торговли нефтью и газом. На протяжении 1990-х гг. резко сократились капиталовложения в развитие транспортной системы. Все это отразилось на конкурентоспособности российского транспорта в борьбе с транснациональными судоходными компаниями, наладившими дешевую перевозку контейнеров. В результате, несмотря на проигрыш во времени, основные грузопотоки пошли южным маршрутом, через Индийский океан. И это — главная цель НБИ, основа ее финансового могущества.

Россия должна использовать свое уникальное географическое положение для завоевания ведущего места на мировом рынке услуг, прежде всего транспортно-коммуникационных. Ведь темпы роста торговли услугами вдвое опережают аналогичные показатели торговли товарами. На долю мирового рынка услуг уже приходится примерно четвертая часть от общего мирового товарооборота. При этом только у индустриально развитых стран экспорт транспортных услуг превышает 250 млрд долл.

Следует напомнить, что через российскую территорию пролегают 3 из 9 международных транспортных коридоров ЕС. Такой транзит предпочтителен для перевозчиков, поскольку максимально упрощает транспортную схему: одна страна — одно таможенное законодательство. Основная нагрузка в системе трансконтинентального транзита ляжет на российские железные дороги. Транссиб способен перевезти до 100 млн т в год. Россия должна направить огромные грузопотоки самым коротким путем — по существующей железнодорожной магистрали Париж–Берлин–Москва–Владивосток, получая при этом 7 млрд долл. прибыли ежегодно. Специализированный грузовой состав проходит от Находки до западных границ России за девять дней, а до Западной Европы он может дойти за 12–14 суток, в то время как срок движения грузов по морю от портов стран АТР до Гамбурга, Антверпена, Бремена — 35 суток. При этом стоимость перевозок через российскую территорию — на 15 % ниже стоимости морского фрахта.

Возрождение Северного морского пути становится актуальной задачей и в плане создания нового транспортного коридора между Европой и Восточной Азией. Ведь Севморпуть в два раза короче нынешнего маршрута через Индийский океан. При всей трудности его содержания стоимость прохода судов ледовым маршрутом на 30 % дешевле, чем

через Индийский океан. Для обеспечения рентабельности Севморпути по нему необходимо перевозить не менее 6 млн т грузов ежегодно (в советский период этот объем превышал 10 млн т), однако сейчас объем перевозок около 2 млн т. Это чревато полным выходом из строя самой северной транспортной магистрали.

3. Формирование Континентальной дуги. Становление России как мощной мировой державы возможно лишь в условиях формирования Континентальной дуги Париж–Берлин–Москва–Пекин–Дели–Тегеран. Россия и Германия, как государства стратегического партнерства, являются координаторами-мостами на евразийском пространстве.

Германия, постепенно образуя союз с Францией, интегрирует западноевропейское пространство (Берлин–Париж–Мадрид–Рим–Брюссель–Копенгаген–Осло–Стокгольм–Хельсинки). Вместе с тем хотелось бы особо подчеркнуть, что Германии необходимо вернуть государственный суверенитет. Уже более 50 лет на ее территории находятся американские войска. Для чего они находятся на немецкой земле? Ведь Германии никто не угрожает. Для обеспечения стабильности в Евразии очень важно осуществить скорейший вывод войск США из Германии. Нас радует то, что канцлер Германии А. Меркель, выступая 10 марта 2008 г. на совещании руководящего состава бундесвера, высказалась против вступления Грузии и Украины в НАТО.

4. Активизация деятельности Шанхайской организации сотрудничества. Принятие Монголии, Индии, Пакистана и Ирана в ШОС в качестве наблюдателей создает действительно многополярный мир в современной мировой политике. Ведь впервые создана международная организация из стран, жители которых составляют более половины населения планеты. От Арктики до Индийского океана и от Балтики до Тихого океана. Возможно, именно так будет выглядеть в скором времени крупнейшее геополитическое объединение нашей планеты под названием Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Датой ее создания считается 15 июня 2001 г., когда в Шанхае главы шести государств — Китая, России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана — подписали совместную декларацию. ШОС прежде всего задумывалась для стабилизации обстановки в Центрально-Азиатском регионе, где находившийся на тот момент у власти в Афганистане режим талибов служил рассадником экстремизма, угрожавшего всем членам организации. Кроме борьбы с терроризмом, участники ШОС ставили перед собой задачу полнее развивать экономическое и научно-техническое сотрудничество. Учитывая весьма различные политические системы, существующие в странах ШОС, именно экономические вопросы выходят на первое место в повестке дня организации. Военная составляющая остается немаловажным аспектом сотрудничества в рамках ШОС. Кроме проведения маневров, ШОС активно работает и на фронте борьбы с терроризмом, что особенно важно для России.

Для ускорения интеграционных евразийских процессов необходимо создать специальный информационный интеграционный механизм, который сможет выполнять организационно-управленческие и информационно-аналитические функции при

планировании инициатив в Евразии, а также координировать их осуществление. Его можно было бы условно назвать так: Евразийское бюро (ЕБ). В определенной степени оно было бы аналогом главному аналитическому центру НБИ — Корпорации РЭНД (Калифорния, США). Возможно также использование в деятельности ЕБ некоторых функций Совета по международным отношениям (Нью-Йорк), еще одной из структур НБИ.

Штаб-квартиру ЕБ можно было бы открыть в Москве. Его головные офисы должны быть в Пекине, Берлине, Париже, Дели и Тегеране. ЕБ прежде всего призвано служить инструментом более эффективного выполнения и координирования интеграционных программ в сфере энергетической, аналитической и информационной геополитики. Небольшие офисы ЕБ следует открыть в Центрально-Азиатском регионе — в Ташкенте и Астане.

Создание ЕБ потребует организационных усилий, прежде всего от России. В их число входит определение специальных полномочий представителя Президента России в ЕБ; назначение помощника Президента России по делам Евразии, что подразумевает осуществление им координации деятельности региональных посольств в странах Евразии и проведение соответствующих мероприятий по интеграции.

Ключевой страной-партнером для России в Европе является Германия, отношениям с которой необходимо придать новый импульс. Союзу России и Германии геополитики НБИ боялись всегда. Этот союз мешает господству НБИ в мире.

Первый базовый принцип — жесткое противодействие попыткам В. Ющенко начать процесс вступления Украины в НАТО. Россия должна предпринять все возможные меры (политические, экономические, информационные и т. д.) по противодействию стремлению части политической элиты Украины к вступлению в НАТО.

Второй базовый принцип — это повышение статуса русского языка и возможность распространения информации на русском языке. Целесообразно увеличить объем теле- и радиовещания на Украину. Россия должна занять жесткую дипломатическую и экономическую позицию по отношению к информационному пространству Украины. Следует принять меры по вытеснению из этого пространства антироссийских проявлений.

Третий базовый принцип — противодействие геополитике русофобии в информационном пространстве Украины.

Российскую политическую элиту не может не тревожить факт продвижения военной инфраструктуры блока НАТО к границам России. Так, уже создана военно-воздушная база в Литве, новая база радиоэлектронной разведки в Норвегии (всего в 40 км от границы с Россией), планируется развернуть новые военные базы в Латвии, Болгарии и Румынии. Этот процесс постепенного и последовательного окружения России военными базами США и НАТО сопровождается многочисленными просьбами западных коллег ускорить вывод российских военных баз с территории стран СНГ.

В России в 70 раз больше, чем в США, погибло людей в годы Второй мировой войны, поэтому россияне крайне негативно воспринимают при-

ближение военной инфраструктуры блока НАТО к границам России. И граждан России можно понять. Ведь именно с Запада дважды в XX в. на землю России приходили незваные жестокие гости. И именно с аэродромов Прибалтики проводились варварские бомбардировки Москвы, Ленинграда и других городов России. Поэтому большое недоумение вызывает сам факт размещения в Литве боевых самолетов, потенциально способных наносить бомбовые удары и по Москве, и по Санкт-Петербургу, и по Калининграду.

Около половины россиян считают сегодня, что возможна военная агрессия против России.

Условием успешной реализации собственного геополитического проекта Евразийская Русь является наличие ядра политической элиты, нацеленного на реализацию стратегических целей, чего после расвала СССР практически не было. Следует оговориться, что в XXI в. нашему государству под руководством Президента России В. Путина удалось ослабить влияние других государств на процесс формирования национальной элиты. Однако теперь наступает этап организации механизмов воздействия на политические группы российской элиты со стороны государства в интересах формирования элиты России, нацеленной на интеграцию Евразии.

С точки зрения политологии элита есть сообщество людей, наделенных властью (политической, информационной или экономической) независимо от того, какие факторы — происхождение, богатство или какие-то иные — обусловили обретение власти.

Успех реализации собственного геополитического проекта России во многом будет определяться тем, сможет ли российская элита выстроить эффективные каналы, механизмы и типы коммуникаций с глобальными управляющими субъектами мировой политики.

Для этого необходимо осуществить процесс ротации элит, который бы значительно увеличил число творцов-инноваторов во властвующей элите. Речь идет о комплексном информационно-интеллектуальном и идеолого-проектном сопровождении процесса интеграции в Евразии.

Специфика современной ситуации в России заключается в том, что, будучи практически единственным субъектом политического процесса и обладая несопоставимыми с другими субъектами ресурсами, властвующая элита оказывается геополитически и геоэкономически бессубъектным образованием, так она не имеет собственного геополитического проекта. В XXI в. произошла существенная трансформация самой политической элиты как субъекта политического процесса. На смену классическим традиционным формам политического субъекта в виде государства или политических партий пришли политико-финансовые кланы или, иначе говоря, кланово-корпоративные структуры, которые, де-факто монополизировали прерогативы политической элиты.

Отметим еще раз, что наднациональная элита НБИ духовно и культурно «оторвана от корней», то есть, по сути, она потеряла связь (духовно-нравственную, интеллектуальную и т. д.) со своей исторической родиной. Евразийская элита основывается на «национальных корнях», на архетипах предков, и это дает ей колоссальное преимущество в борьбе

с элитой НБИ. Основные качества элиты Евразийской Руси: профессионализм, патриотизм, паневразийство.

В. Л. РАБИНОВИЧ: — Прежде всего несколько слов относительно предыдущих докладов. Странно, что на этом почтенном симпозиуме лишь раз упомянули Дмитрия Сергеевича Лихачева. Я позволю себе ликвидировать эту оплошность. Когда я написал книгу «Алхимия как основа средневековой культуры» и, решив получить за нее докторскую степень, рассылал рефераты, то вне списка один из них с помощью Кондакова, который тогда был ответственным секретарем отделения русского языка и литературы, я послал в Ленинград Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Реферат был довольно толстенький, поскольку я защищался по специальности «Марксистско-ленинская философия». Правильно сделали те люди, которые ставили меня на эту рубрику, поскольку так оно и было. И на моей защите, когда я уже сказал вступительное слово, были прочитаны все отзывы на мой реферат, вдруг появляется курьер с запечатанным пакетом и говорит: «Вам письмо от академика Лихачева». Я догадался, что там лежит отзыв на автореферат, но процедура зачисления отзывов уже закончилась. Тогда Меркулов, который был в то время заместителем Сачкова по ученому совету, сказал: «Вы можете отказаться от зачисления вслух этого отзыва, поскольку процедура зачений прошла, и взять это письмо себе на память, а можете в порядке исключения разрешить нам его прочитать».

И что, по-вашему, я сделал? Конечно, разрешил открыть, хотя не знал, что написал мне Дмитрий Сергеевич, специалист по русскому Средневековью, но не чуждый иных широких взглядов. Прочитали. Отзыв оказался очень хорошим, написанным рукой Дмитрия Сергеевича, и я даже опубликовал его в факсимильном виде.

На мой взгляд, Д. С. Лихачев явил образец европейской культуры, ответив на письмо какого-то неизвестного ему Рабиновича, ведь не ответить на полученное письмо — это все равно что не поздороваться со знакомым человеком за руку, то есть так же невежливо, как сказала одна моя коллега. Эта сугубо европейская манера поведения — без всяких ужимок и демаркаций, без всяких «особых характеров» России или чего-нибудь в этом роде — выдает в Лихачеве потрясающе интеллигентного человека.

Хотелось бы добавить к сказанному, что здесь я себя чувствую в некотором роде чужим. Во-первых, этнически я почти азиат, а значит, и все европейское я назову глубоко чуждым. Во-вторых, доклад, который я приготовил, называется «Фонетическая среда для речевого жеста в поэтическом конструктивизме Ильи Львовича Сельвинского», моего учителя по литературному институту, а значит, и в этом смысле я тоже чужой на этом форуме. И все-таки я теперь здесь, и вот почему.

В первом сообщении Владимира Константиновича Мамонтова, а бы его называл сейчас «Макар Константинович по поводу ассоциации с усомнившимся Макаром Платоновым», прозвучала фраза Г. А. Явлинского: «Посмотрите на себя в зеркало, и Вы поймете, что Вы европеец», а сам он при этом

подумал, что, может быть, все-таки он азиат... Но сам характер сомнения в том, что «я не европеец», — европейская черта. Именно поэтому Г. А. Явлинский увидел в В. К. Мамонтове глубоко европейского человека. Именно поэтому и я оказался здесь.

Конструирование среды предполагает нечто вмещающееся в нее, чтобы тому, что вмещается, удобно было жить в ней своей естественной жизнью. И эта среда фонетическая (звуковая-голосовая), а речевой жест персонифицирован (героем, социальной группой, этнической или национальной общностью, улицей, революционной массовой). Среда — фон, а суть — характер, бытующий (а может быть, и бытийствующий) на этом фоне. Но среда и суть взаимопроникновенны. И тогда не ясно, что здесь тело, а что — одежда, прикрывающая священную наготу характера, запущенного в сей мир демиургом-поэтом, выдохнувшим фонетический гул и одновременно сформировавший из этого речевого гула художественный речевой — человеческий! — жест с возможностями диалога многообразных речевых жестов на фоне среды, с глубинным метафорически антропологическим прониканием.

Понятие «Восток» — западное, потому что Восток — Ближний ли, Дальний ли — любой Восток не знает, что он Восток, и ему наплевать, что есть Запад, потому что он самодостаточен. То есть — в продолжение мысли Бориса Исаевича Пружинина — не зная, что он Восток, он нереклексивно относится к своей восточности, азиатчине, евразийскости и т. д. Все это выдумка Запада, который не знает истинного Востока, но усмотрел в себе «восточный нерв», который постыжен, неизбытен.

По этому поводу мне всегда вспоминается замечательная поэма Николая Алексеевича Заболоцкого «Рубрук в Монголии» (Рубрук — миссионер, который поехал в Монголию обращать в свою веру азиатов-язычников), где есть такие строфы:

Не то чтоб сложной их природы
Не понимал совсем монах, —
Здесь пели две клавиатуры
На двух различных языках.
<...>
Трепать язык умеет всякий,
Но надо так трепать язык,
Чтоб щип не путать с кулебякой
И с запятыми закавык.

Да, это непросто — не путать. У нас порой запятыя — не только знаки препинания, которые очень важны, путаются, меняются местами, и тогда получается абракадабра. Так, я слышан по поводу евразийства от профессора Дудина и многих других профессоров.

Я хотел бы сказать и о феномене паузы. Кто-то из докладчиков сегодня сказал, что мы находимся в состоянии «паузы» — мы оказались ни там ни сям. Эта пауза была охарактеризована как некое «межумочное» бытие. Мне кажется, что это бытие не межумочное, а глубоко конструктивное. Пауза, говоря афористично, — это со-бытие двух сознаний, то есть со-бытие сознаний, вот в чем дело. И здесь затеваются разные смыслы, которые либо возникают, либо оттесняются на другой план, те, которые были раньше, и т. д. И здесь есть о чем подумать.

Но сама рефлексивная возможность обдумывания — это глубоко европейский феномен, даже если он происходит в Японии, на Ближнем Востоке или где бы то ни было еще. Подкреплю эту мысль стихотворением Манделштама:

Татары, узбеки и немцы
И весь украинский народ,
И даже приволжские немцы
К себе переводчиков ждут.
И, может быть, в эту минуту
Меня на турецкий язык
Японец какой переводит
И прямо мне в душу проник.

Это проникновение в душу — а душа и на Востоке, и на Западе равно бессмертна — и есть та точка, где можно спутать запятыя с закавыками, вдруг переставить их местами. Но главное — это живое чувство причастности нас к человеческому роду. Каждый из нас должен сегодня организовать самый решительный диалог — диалог европейца и азиата в самом себе. Когда мы это поймем, мы действительно приблизимся идеологически к состоянию нашей бессмертной души.

В. Ф. ПЕТРЕНКО¹: — Геополитику можно охарактеризовать как совокупность неких представлений о влиянии географических факторов на политику, безопасность и процветание государства. Например, таких как: близость/удаленность государства к центрам мировой цивилизации и к важнейшим транспортным коммуникациям, характер доминирующего рельефа местности (доминирование степного, горного или пустынного ландшафта), климатический режим, наличие морских и речных коммуникаций, естественных природных преград и рубежей, богатство страны полезными ископаемыми, в целом обуславливающими и специфику экономической деятельности, и уязвимость/защищенность страны от военной интервенции. Американский политолог К. Грей назвал геополитику наукой о «взаимосвязи между физической средой в том виде, как она воспринимается, изменяется и используется людьми и мировой политикой»².

Неоспорима роль географического фактора в становлении и развитии человеческой цивилизации. Исторические центры мировой цивилизации возникли в климатически благоприятных зонах в долинах крупнейших рек (Нил для Древнего Египта, Двуречье для Вавилона, Янцзы для Древнего Китая, Ганг для Индии), обеспечивающих водные ресурсы для орошения земледелия. Реки выступали важнейшими, а часто и единственными транспортными артериями. Применительно к России можно вспомнить о великом пути «из варяг в греки» (по Волге, Москва-реке, Волхову), о том, что набеги татаро-монгольских орд на лесистую Центральную и Северо-Восточную Русь осуществлялись в основном в зимнее время, когда реки покрывались льдом и могли служить дорогами для прохождения конницы. В то же время географическая изолированность

¹ Заведующий лабораторией МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук.

² Цит. по: Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М., 1998. С. 15.

или наличие естественных преград для вторжения завоевателей (например Гималаи, разделяющие китайскую и индийскую цивилизации, или островное положение Японии) обеспечивали «прикрытия» по тем или иным направлениям. Развитие мореходства привело к тому, что Средиземноморье стало поистине колыбелью для Европейской цивилизации, а само Средиземное море выступало транспортным звеном, обеспечивающим взаимобмен товарами и культурными новациями как прибрежных государств, так и через Великий шелковый путь с дальним восточным зарубежьем.

В результате Великих географических открытий и колонизации Северной и Южной Америк, Австралии и Новой Зеландии, открытия морских путей в Индию и Китай возрастает значение Атлантики. «Венеция и Генуя потеряли свои преобладающие позиции и уступили их сначала Лиссабону, затем Севилье, Антверпену и, наконец, Амстердаму, Гамбургу и Лондону. Несколько позже в значительно меньших масштабах золотой век наступил для Нанси, Бордо, Кадиса и многих других городов, имеющих выход в Атлантический океан»¹.

Очевидны преимущества, которые дает выход страны к морю (не случайно захват у Швеции финского побережья Балтийского моря Петром I был означен Пушкиным как «в Европу прорубил окно»). Противопоставление морских держав и государств, расположенных в глубине материка, было отобразено в одной из первых геополитических концепций, которые начали появляться в XIX в., — концепции Макиндера (MacKinder, 1904)², где выдвигались геополитические идеи конкуренции морских и сухопутных коммуникаций. Как полагал Макиндер, на смену лидерства «владычицы морей» Англии с развитием железнодорожного транспорта придет лидерство стран Хардленда (дословно — сердцевиных земель) — великих сухопутных держав. Он сформулировал свою позицию в известном тезисе: «Кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Хардленд; кто правит Сердцем земли, тот контролирует Мировой остров (то есть Евразию); кто контролирует Мировой остров, тот владеет всем миром». Уже в преклонном возрасте в 1943 г. в статье «Круглый мир и завоевание мира» Макиндер утверждал, что если Советский Союз выйдет из войны победителем над Германией, то превратится в величайшую сухопутную державу. Аналогично Н. Спайкмен, выражавший интересы Америки, полагал, что США, будучи океанической державой с мощным военно-морскими флотом, могут установить свой контроль над прибрежными водами европейского континента и, заблокировав Европу, контролировать мир.

Развитие авиатранспорта, а затем и ракетостроения в военном плане внесло новые смыслы как в систему мировых коммуникаций, так и в уязвимость обороноспособности государств, создав ощущение компактного и взаимозависимого мира. Идея, что «все мы в одной лодке», попеременно высказывается политиками разных стран. А переход ведущих стран мира к постиндустриальной форме цивилизации привел к тому, что ведущим товаром наряду

с нефтью и промышленными изделиями становится торговля информацией и технологиями. Интернет становится транспортной коммуникацией XXI в., коммуникативным каналом, вес которого со временем будет только возрастать.

С увеличением роли в мировой торговле промышленных и информационных технологий, расширением культурного обмена и туризма на смену индустрии «угля и стали» приходит индустрия информации и массовой культуры. Нелишне напомнить, например, о великой империи информационных технологий Билла Гейтса, где торговля software (программным обеспечением) приносит прибыль, сопоставимую с прибылью нефтяных компаний. Доминирование же того или иного языка во Всемирной паутине становится важнейшим геополитическим фактором.

На геополитическую карту мира с ее транспортными коммуникациями накладываются практически неограниченные компьютерные коммуникации, реализуемые через спутниковые связи. Единственным фактором, затрудняющим этот грандиозный информационный обмен между государствами, является языковой барьер и различие в менталитете. В геополитике возрастает роль проблемы взаимопонимания, возможности интенсивного диалога в области культуры и науки, определяющими мощь, внутреннюю стабильность и позицию государства в мировом сообществе.

В этом плане важнейшим фактором геополитики наряду с чисто географической близостью выступает близость культур, возможность их взаимопонимания и взаимовлияния. Последнее во многом зависит от близости национальных языков, общности культурных архетипов, религий. Язык в условиях постиндустриального, информационного общества становится не только средством общения и трансляции культуры, но и средством производства в компьютеризированной, роботизированной экономике. От степени проработанности естественного (в нашем случае русского) языка как инструмента познания и базового источника, необходимых для программирования, разработки «искусственного интеллекта» и «инженерии знаний» искусственных языков, зависит успех в области «экономики знания».

Разработка лингвистических моделей «Смысл — Текст», построение тезаурусов русского языка, создание семантических, частотных, ассоциативных, коннотативных и иных словарей — необходимая задача для увеличения степени рефлексии собственного языка, для его осознания и развития. В условиях глобальной конкуренции мировой экономики конкурируют и национальные языки, открывающие доступ к национальным культурам и экономикам. В условиях, когда все большее количество населения развитых стран задействовано в сфере переработки информации, границы между экономикой, наукой и культурой размываются, и гуманитарная наука становится важным компонентом экономического развития общества, определяющим его ценностные ориентиры и стратегию развития. (Уже сейчас в США в сельском хозяйстве задействовано только 3 % населения и около 13 % — в промышленности, в то время как более 60 % — занято в сфере, связанной с производством и обменом информацией.)

¹ Гаджиев К. С. Введение в геополитику. С. 43.

² См.: Макиндер Х. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.

Для развития инновационной отечественной экономики, «экономики знания» требуется изучение и развитие ее базисной основы и коммуникативного средства трансляции — русского языка. Наряду с языкознанием и филологией необходимо также развитие и смежных с ними гуманитарных областей знания, обеспечивающих рефлексию общества самое себя в сфере языковой политики, а именно: культурологии, психолингвистики, семиотики, искусствознания, философии, гуманитарного науковедения, социологии и психологии массовых коммуникаций и других ветвей гуманитарного знания, столь широко и ярко представленного в творчестве Дмитрия Сергеевича Лихачева.

В. М. МЕЖУЕВ: — Иногда очень трудно говорить в смешанной аудитории. Я приехал сюда, чтобы обсудить проблему диалога культур. Диалог культур — это не совсем то же самое, что межгосударственные отношения. Россия вела дипломатические переговоры с Европой и со всем миром на протяжении всей своей истории, на которых обсуждались и экономические, и политические проблемы. Это естественный процесс взаимобменов между государствами. Диалог культур — это немножечко другое. Культуры спорят между собой не так, как дипломаты и политики ведут переговоры на высшем уровне по поводу тех или иных государств. На это я и хотел бы обратить внимание. Диалог культур — это понятие сравнительно новое. Переговоры же велись на высшем уровне на протяжении всей истории Российского государства.

На мой взгляд, сегодня Россия к диалогу с миром еще не готова, это видно и по некоторым выступлениям. Так, здесь все время говорили о геополитике. Но важно понять, что мы живем сегодня в мире не просто геополитики, а в мире хронополитики, когда идет борьба не только за пространство, но и за время. Борьба за территории — это признак отсталости. Сегодня идет борьба за время, и это гораздо важнее. Так, можно выиграть в пространстве и остаться вне времени. Очень часто большие пространства уходили в небытие, проиграв сражения за время. Потому и нам сегодня так трудно вступить в диалог и понять других, а другим трудно понять нас.

Хронополитика делит время на важные составные периоды. Историческое время можно условно разделить на три части: домодерн, модерн, постмодерн. Граница между домодерном и модерном признается всеми. Это, так сказать, не спорная граница, четко установленная. К домодерну относятся все общества, которые строятся на базе традиций, это традиционное общество. Модерн «ломает» традицию, и поэтому главным культом модерна является культ разума. Разум вступает в силу тогда, когда традиция теряет свою определяющую силу в обществе. Если ты живешь не по традиции, не по заветам прошлого, тогда надо опираться на собственную голову, другого способа нет. Но классический разум предполагал, что в разуме-то люди едины, а мы все очень разные, у нас различный опыт, как и у каждого народа, страны — свой исторический опыт. Но там, где разум, мы едины, потому что разум существует по одним законам для всех. Домодерн начинается с состояния, когда становит-

ся ясно, что единого разума нет, что разумы тоже разные. Это то, что сегодня происходит в России.

Меня, честно говоря, беспокоит, что мы никак не можем прорваться в модерн. На Западе идет критика модерна, диспут о так называемом модерне с позиций постмодерна, то есть как бы преодолевающего то состояние модерна, которое когда-то в Европе установилось в эпоху Просвещения. Поэтому идет критика Просвещения, но с позиций постмодерна. А мы из антимодерна не можем вылезти, мы критикуем модерн с позиции антимодерна и домодерна, а диалог культур существует именно не в геополитическом, а в хронополитическом пространстве.

Домодерн, традиционное общество, говорит: «Давайте жить по заветам предков и по заветам старины», — это явно устарело. Сегодня спорят модерн и постмодерн: можно ли жить в мире, основанном на традиционных ценностях, будь то религиозные ценности или политические. Мы как будто не видим, что в России побеждает традиционализм сознания, потому что у нас самая распространенная фигура в обществе — это консерватор, религиозный либо политический. Мы 300 лет уже модернизируемся и никак в этот модерн попасть не можем. Какая-то сила выталкивает нас из этого модерна обратно. Мы все время видим возрождение традиционалистского сознания. На Западе тоже критикуют модерн, но только с позиции постмодерна, а это совсем другое. Но антимодернисты и постмодернисты никогда не поймут друг друга в этом сегодня и состоит сложность нашего диалога с Европой.

Мне иногда кажется, что мы не русские (в данном случае я имею в виду критерий не крови, а культуры). Мы плохо знаем свою историю и культуру, мы все говорим о русской культуре, но, простите, даже здесь я почувствовал ее незнание. Мы даже не понимаем, о чем русская культура спорила с европейской и с мировой столько веков, и все время переводим разговор на политические проблемы: кто кого обидел, кто кого оскорбил, какие у нас экономические разногласия. Это не разговор культурного человека. Надо знать то, что русская философия, русское сознание и русская литература пытались отставать в мире. Я здесь ни разу не видел ссылок на русскую философию.

Да, эта традиция была «обрублена». Стивен Кон когда-то сказал, что когда в России кончится марксизм и коммунизм, хотя я совсем не к этому призываю, Россия будет дальше от Европы, чем даже при социализме, потому что социализм, хочешь не хочешь, но европейская теория, а не российская. А когда мы это выбросим, тогда уже совсем будет непонятно, что нас связывает с европейской культурой.

Я хочу поставить этот вопрос, потому что, живя в Москве, наблюдаю засилье консервативного сознания, идущее прямо из Кремля, и меня это просто пугает. Куда же мы идем — назад, или все-таки вперед, в модерн или даже в какой-то степени в постмодерн, или пятимся вперед, обращенные к будущему спиной?

Меня действительно пугает то, что сейчас происходит в сфере официальной публичной жизни и на нашем телевидении, — то, что целый ряд идиотов (начиная от Дугина, Леонтьева и пр.) сегодня обещают всем нам... Это признак того, что Россия останется без будущего. Это все, что я хотел сказать.

Ю. А. РЫЖОВ: — Когда та или иная территория или нация, большая особенно, замирала в своем развитии, оставалась в консервативном сознании, за этим следовал распад ее государственности или территориальной целостности и т. д. Поскольку мы никак не можем выяснить причину этого, выход у нас один — распасться. К этому выводу меня подтолкнули вы, уважаемый Вадим Михайлович.

В. М. МЕЖУЕВ: — К сожалению, подобный вывод, действительно, напрашивается, но на самом деле моя точка зрения несколько иная.

На эту тему у меня только что вышла большая статья «Россия и Европа: возможен ли диалог?» Надо понять, что произошло в России в XIX в., когда был расцвет знаменитого спора славянофилов и западников, — это ведь продолжение европейского спора романтиков и просветителей. Русский славянофил — это своего рода парафраза немецких романтиков, которые тоже спорили об отношении к модерну. Но в 1860-х гг. произошел знаменитый слом славянофильского сознания в России, а славянофилы ощущали себя европейцами (вспомним, что Кириевский издавал журнал «Европеец»). Они были европейцами, но на свой лад, хотя и не как западные просветители, — они искали какую-то универсальную, вселенскую идею. А начиная с 1860-х гг. происходит спад, связанный с выходом знаменитой книги Данилевского «Россия и Европа», когда Россия отвергла Европу уже как культурно-исторический феномен. Соловьев назвал эту книгу грехопадением русского славянофильства, и Флоровский назвал в таком же духе.

Сегодня мы поднимаем «на щит» Данилевского, Тойнби, Шпенглера с их идеей локальных цивилизаций. Мы понимаем, что это все продукты западного и русского национализма, забывая о той великой славянофильской традиции, которая искала не то, что Россию отличает от Европы, а то, что объединяет. Это очень важно понять. Мы сегодня ведем диалог о том, какие мы непохожие на них, забывая, что речь идет не об этом. Для того чтобы сказать, что Россия не Европа, большого ума не надо — это эмпирический мир. Важно понять, что же нас все-таки с Европой связывает. Диалог, который ранее вели славянофилы и западники, сегодня нами забыт, поэтому мы и начали воспроизводить линию славянофильства и возродили этнонационализм на консервативной почве. Вот что у нас сегодня происходит.

Б. И. ПРУЖИНИН: — Единственное замечание: слухи о кончине разума сильно преувеличены...

В. М. МЕЖУЕВ: — Не о кончине речь — разум стал другим.

Е. А. ЕРМОЛИН¹: — Сегодня Европа — от Иберии до Урала — в глубоком духовном кризисе. Об этом, каждый по-своему, говорят крупные западные писатели вроде М. Уэльбека, способные объять состояние европейского духа мыслью и обра-

зом. На этом сходятся и русские мыслители разных школ... В России новое и неизбежное культурно-национальное самоопределение, мучительно назревшее после выхода из советского духовного тупика в конце XX в., к сожалению, было смазано пародийной реставрацией нулевых годов, при которой оказалось отброшено все великое, а идея державности свелась к геополитическому своекорыстию, в чем отражается общий закон момента, сделавшего потребление и комфорт альфой и омегой всех человеческих устремлений. Я думаю, мы еще будем расплачиваться за эту поразительную духовную расслабленность постдефолтного десятилетия.

Но я хотел бы поговорить не о прогнозах, а о реалиях в свете той духовно-творческой задачи, которая вполне определилась в идеях блестящей когорты мыслителей, не последнюю роль среди которых играет Д. С. Лихачев.

Мне кажется, самая благородная и возвышенная социальная, культурная, образовательная задача ныне состоит в том, чтобы реанимировать тот тип русского европейца, который был то больше, то меньше представлен в отечественной истории и который оказался ослаблен в метрополии в XX в., а ныне почти исчез.

Средний современный человек в России — русский, что ни говорите, человек — далек от того представления о русском европейце, которое сложилось в самых высоких умах и отчасти реализовывалось в жизни. Это ксенофоб и соглашатель, падкий на удобства и чуждый возвышенного идеализма.

Другие же с пламенным чувством скажут: «Что нам Европа! Нам тесно на этом клочке суши! Мы — евразийцы, скифы, чуть ли не духовные чингизиды!..»

Не буду спорить и с этими иной раз патетическими, а иной раз и умозрительными нелепостями. Прибегну к авторитету Д. С. Лихачева — напомним его замечательные рассуждения: «Бессмысленно спорить о том, принадлежит ли Россия Европе или Азии. К сожалению, такой вопрос изредка поднимался в Германии, Польше и некоторых других ближайших к вам странах, в которых наблюдалась определенная склонность изобразить себя пограничными стражами Европы. Русская культура распространяется на огромную территорию, в нее включаются и Ленинград–Петербург, и Владивосток. Это культура единая. Семья, переезжающая из Ленинграда в Хабаровск или Иркутск, не попадает в иную культурную среду. Среда остается того же типа. Поэтому нет смысла искать географические границы Европы в Уральском хребте, Кавказских горах или где-нибудь еще. И Армения, и Грузия принадлежат европейскому типу культуры. Спрашивается: почему? Ответ в том, что я сказал вначале: они принадлежат к единому типу культуры. И это в силу своего христианства. Для христианина в принципе “несть еллина и иудея”. Свобода личности, веротерпимость, пройдя через все испытания средневековья, стали основными особенностями европеизма в культуре»².

¹ Ректор Института истории культур (Москва), профессор Ярославского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук.

² Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Лихачев Д. С. Книга беспокойства. М., 1991. С. 297.

Итак, христианского корня универсализм положен Лихачевым в основание европейской души России и русских. Географическому фактору предложено ему подчиниться. Европа, по Лихачеву, есть духовное явление, самобытность которого определена христианской традицией.

Вот с этим уже труднее спорить, хотя, разумеется, находятся желающие. Труднее, потому что все-таки в этих словах Лихачева отозвались идеи, так или иначе выраженные не последними русскими людьми, такими как Пушкин и Достоевский, Владимир Соловьев и Георгий Федотов.

Так кто же такой русский европеец? Согласно той логике, которую я здесь излагаю и которой придерживаюсь, это, пусть и отчасти, «всечеловек», или, в понимании Достоевского, «общечеловек». Волей неизбежных или полуслучайных обстоятельств такой «общечеловек» оказался парадоксально опознан и изображен писателем в его Пушкинской речи в личности А. С. Пушкина, а в «Дневнике писателя» за март 1877 г. — в лице немца-лютеранина, минского доктора Гинденбурга. С одной стороны, великий поэт интерпретирован как выразитель народного духа, воплощение глубинных истин народной души. С другой — замечательный, бескорыстный и самоотверженный доктор, служивший людям и никогда не отказывавший в помощи, выступает как представитель той редкой породы людей, которые и своей смертью побеждают мир, соединяя его, то есть соединяя людей вопреки предрассудкам, предубеждениям, злобе и корысти. Достоевскому даже кажется: чтобы спасти мир, таких людей много и не надо. В этой «единичной» истории у писателя заложена мысль об активном служении, активной жертве «за други своя», о конкретной любви к ближнему как главном факторе жизни общества и человечества.

Конечно, нигде Достоевский не развивает той идеи, что русские люди все таковы, как эти поэт и немец, или что они все такими могут быть. Скорей наоборот, он совсем не уверен в общераспространенности столь высокого опыта.

В виде же своего рода высокой нормы является русский европеец у В. С. Соловьева и Г. П. Федотова, воспринявших контекст мысли об универсализме русской души.

В. С. Соловьев в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории...» доверил одному из героев этого драматизированного диалога, Политику, очень характерное и с тех пор не раз воспроизводившееся рассуждение, в котором есть привкус желаемого, некоторый дидактический нажим: «...на самом же деле мы *бесповоротные европейцы*, только с азиатским осадком на дне души. Для меня это даже, так сказать, грамматически ясно. Что такое *русские* — в грамматическом смысле? Имя прилагательное. Ну а к какому же существительному это прилагательное относится? <...> настоящее существительное к прилагательному *русский* есть *европеец*. Мы *русские европейцы*, как есть европейцы английские, французские, немецкие. Если я чувствую себя европейцем, то не глупо ли мне доказывать, что я какой-то славяно-росс или греко-славянин? Я так же неоспоримо знаю, что я европеец, как и то, что я

русский. Я могу и, пожалуй, должен жалеть и беречь всякого человека, как и всякое животное, — блажен муж иже и скоты милует; но признавать себя солидарным, *своим* я буду не с какими-нибудь зулусами или китайцами, а только с нациями и людьми, создававшими и хранившими все те сокровища высшей культуры, которыми я духовно питаюсь, которые доставляют мне лучшие наслаждения. <...> Все должны стать европейцами. Понятие европейца должно совпасть с понятием человека, и понятие европейского культурного мира — с понятием человечества. В этом смысл истории»¹.

Г. П. Федотов же говорит о реальном русском человеке, который легко и непринужденно принял в себя высшие ценности Европы, связал их с отечественной традицией и оформляет их стилем жизни, способом самореализации, творческим усилием в той же степени, что и поступком, жестом, фразой. Первые следы присутствия такой человеческой формации Федотов вполне справедливо находит, как известно, на Северо-Западе Руси, в Новгороде и Пскове, свободных от рабского чина Московской Орды. Новгородское общество стимулировало такой способ жизни; стимулы для него создала и инициатива Петра I. Впоследствии же подобный человек мог появляться уже повсеместно, но при этом штучно. Это свободные люди духа, не связанного предрассудками, люди конкретной и полезной активности: бескорыстный врач, гуманный судья, благородный человек... Практический идеализм и активная свобода таких людей создавали в стране гуманное пространство, приемлемое для жизни.

Что касается мысли Достоевского, то его Пушкина и Гинденбурга нужно понять как своего рода воплощенный в реальной личности человеческий предел, желаемое и возможное состояние человека и связать эту тему с другими мыслями Достоевского (о всемирной отзывчивости русских, о готовности русской души откликаться на чужое и делать чужое своим, принять в себя и примирить людей, миры и культуры), которые пришли в итоге к известной его формуле из Пушкинской речи: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только <...> стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите <...>. Ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено»².

Отметим, что и тут Достоевский оформляет свою мысль не как свидетельство о реальном, а как пожелание русскому человеку, как задание сбыться в высшем смысле. По сути, речь идет о создании новой нации путем мобилизации и работы осознанной творческой воли. Собственно, именно эта задача стоит перед нами и сегодня, причем еще более остро, чем в 1880 г., ввиду исчерпания духовной традиции, позволявшей почти безотчетно придерживаться общеизвестных правил и жить в целом достойно. XX в. произвел разительные перемены в душе человека, внес в нее огромный опыт страха,

¹ Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. 2-е изд. М., 1990. Т. 2. С. 695–697.

² Ф. М. Достоевский об искусстве. М., 1973. С. 367–369.

унижения, покорности — и с этим приходится считаться¹. Тип русского европейца оказался почти уничтожен, потерпев поражение и уступив, как говорил Федотов, двум другим национальным типам, принципиально антикультурным и, в сущности, антинациональным: реакционеру-охранителю и разрушителю-нигилисту.

Но происходящий сегодня в культурном авангарде общества духовный поиск обязывает принять и подход, предполагающий формулирование предельных смыслов и целей самоопределения, и логику реализации практической модели поведения в предлагаемых обстоятельствах².

Этот сюжет представляется максимально важным и ввиду того, что общественное брожение наших дней цепляется за самые разные идеи, концепты, формулы. С одной стороны, мы видим эпигонов евразийства типа А. Дугина, которые и в Европе находят какую-то рабью азиатчину. С другой — есть продолжатель стержневой линии русского европейства — В. Кантор, автор самой монументальной монографии по этой проблеме³. Кроме того, появляются экзотические версии определения русского европейца, типа той, какая дана в рамках концепции «Русской Европы» А. Широпаева. Многовекторный поиск требует иногда сверки принципиальных координат.

Ю. В. ЧЕРНЯВСКАЯ⁴: — Пространство, на котором живет народ, антропологично — и потому, что являет собой вещественное условие бытия человека, и потому, что конструируется в качестве «человеченного» места («дом», «мир», «страна» и т. д.) и воссоздается индивидом и сообществом в рамках этих конструкций. Потому, несмотря на «вещную» исполненность пространства, оно концептуально: в пространство «вкладывается» взгляд человека. По сути, оно и есть такой взгляд.

Об этническом пространстве следует говорить не как о месте, а как о смысле, вкладываемых людей

¹ Вот характерное суждение современного публициста: «В России человека приучают к тому, что человеческая жизнь — дерьмо. Люди ничего не стоят — будь то недочеловечки негры, “черные” кавказцы, подлые евреи, “пидорасы” или будь то он сам — “совок”, “рабочая”, “коммуняка”, “дерьмократ”, наконец, бессильный пенсионер. Свобода человека?! Свободы не бывает, не ври! Удобства человека?! Удобства во дворе, придурок... А что не дерьмо? Государство, естественно! <...> Достоевский когда-то сочинял сказки о “всемирной отзывчивости русского человека”. Да, перенимать чужие обычаи мы любим. Но сочувствовать мы не желаем и не умеем — ни другим, ни себе. Помню вечные разговоры в СССР — “помогаем всяким чернозадям, они еще с деревьев не слезли, а Россию обирают!” Это — “интернационализм”. Теперь с ним покончено — только вот Россия, кажется, от этого слаще не стало» (*Радзиховский Л.* Всемирная отзывчивость [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.politcom.ru/2005/pvz586.php>).

² В качестве недавних примеров можно вспомнить и назвать работу врача М. Осипова и его коллег в Тарусской больнице или помощь Доктора Лизы (Е. Глинки) смертельно больным и бомжам, ее борьбу за права больных [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://doctor-liza.livejournal.com/>).

³ Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры. М., 2001.

⁴ Доцент кафедры культурологии Белорусского государственного университета (Минск), кандидат культурологии.

ми в категорию места. Эти смыслы охватываются триадой «большая родина — малая родина — метафизическая родина».

Большая родина. В этом аспекте об этнической (национальной)⁵ общности говорят как о содержательном наполнении государства. Большая родина — пространство с четкими государственными границами, которые признаны и представителями данного этноса, и «значимыми другими».

Однако этнос не всегда совпадает со своими границами — как с реальными, так и с «примордиальными» кордонами, от которых отсчитывается путь народа. Так, границы «изначальных»⁶ Великой Молдавии, Великой Болгарии, Великой Швеции⁷ и так далее гораздо шире, чем рубежи стран, считающих себя их преемниками. Такая редукция границ порождает смешанные чувства: представление о давнем величии большой родины соседствует с недовольством ее современными рубежами. Так, национальный фронт Азербайджана в постперестроечные годы декларировал необходимость возвращения прежних границ страны от Дербента до Персидского залива и от Каспия до Севана. Впрочем, спорные территории вовсе не обязательно обширны, и потому речь о них нередко ведется на уровне «высокого принципа»: вспомним дебаты Российской Федерации и Латвии по поводу Пыталовского района.

Ясно, что здесь существование не притязания на территорию, а «притязания на культуру» — на ее наличие не только в виде автохтонных верований, языков, обычаев и тому подобного, но и в освоенных древностью институционализированных формах. Важно и то, чтобы территория охвата этой культуры (тождественная государству) была шире, чем в настоящий момент. Отсюда закономерно возникает представление о ее цивилизаторской миссии (концепция цивилизаторской функции Золотой Орды⁸ по отношению к Московской Руси, идеи о «Северной арийской прародине» или о сложении протоукраинской государственности в V тыс. до н. э.). Большая родина призвана нести свои достижения в менее просвещенные «окраины» — на периферию. В этой роли могут выступать законы, формы правления и другое, но чаще всего язык.

Большая родина должна быть... большой. Если даже государство не претендует на расширение (на пример государства современной Западной Европы),

⁵ Здесь и далее термин «этнос» будет использоваться в одном из его значений — как основная единица этнической классификации. Более того, я позволю себе говорить как об «этнических пространствах» и о полиэтнических нациях и о таких социальных мультиэтнических общностях, как, к примеру, СССР.

⁶ Здесь не ставится целью ни поддерживать, ни оспаривать правомерность таких представлений.

⁷ Принято считать, что Великая Швеция — это некий мифологический конструкт, целиком и полностью порожденный ученой традицией. В соответствии с этой традицией реальная Швеция оказывается названной как бы в честь мифологической прародины» (*Успенский Б. Ф.* Путь из варяг в греки: Граница, дорога, направление в представлении древних скандинавов // *Антропология культуры. М., 2002. Вып. 1. С. 225*).

⁸ Такая точка зрения, например, проводится Р. Г. Фахрутдиновым в учебнике «История татарского народа» (Казань, 1995. Ч. 1).

то идея большой родины расширяется до представления об общеевропейском отечестве. Если же пространство не расширяется фактически, его увеличение идет «вглубь». Тогда большая родина ищется и находится в «метафизической» («Земле обетованной»), но об этом позже. Однако в сознании человека раздвижение территориальных границ до размера большой родины идет через аналогию с малой: «большая родина» — *всеобщий* и потому абстрактный образ («Наши нивы взглядом не обшаришь, не упомнишь наших городов»). В повседневном сознании она существует в виде набора идеологем (государство, сила, величина, рубежи, военные заслуги, сплоченность граждан и т. д.), и эти качества отражаются в образах мест и людей — героев, просветителей и др. Ее топография упорядочена в семиотически центральных территориях (Куликово поле, Бородино, Севастополь, Ленинград и т. д.). В обыденной жизни образ большой родины латентен. Скорее он существует на уровне лозунга и штампов официальной риторики.

Значимым содержанием он наполняется в моменты выпадения из рутинного времени на уровень «события»¹ (яркий пример — война), когда личное время человека пересекается с «внутренним временем» других в единой значимой точке: «сейчас» переходит в «здесь». Однако осознание необъятности родины происходит благодаря актуализации образов многочисленных реальных «родных уголков». Конкретное «поднимает» общее — и лозунг наполняется актуальным смыслом. Также действительна и апелляция к «метафизическому Отечеству» (адресация к победам прошлого, к связанным с ними местам и именам героев).

Сдвиг образа большой родины к малой и к метафизической происходит и в час деструкции государственного пространства. Но в отличие от войны, катастрофы, когда актуализируется единство людей, крушению границ государства (и метафоры «великой державы») сопутствуют смута и кризис идентичности. При этом смещаются не только территориальные границы — разрушению подвергается и сам «большой образ “мы”», существовавший внутри них. Путь к утверждению нового образа и к преодолению смуты пролегает через создание двойных границ, вмещающих и малую, и метафизическую родину и конструирующих образ большой родины внутри этих новых границ: «И пусть я трижды антисоветский и даже постсоветский, — пишет М. Эпштейн, — все равно я — последнее пристанище великой страны»². Местоположение большой родины изменилось: она переместилась в малую, которую способно охватить сердце человека. Более того, оно хранит в себе не «одну шестую суши», а конкретные, памятные места «моей земли». Здесь мы имеем дело с трансформацией малой родины в область родины метафизической, в купе создающих иллюзию сохранения или воскрешения «великой державы».

¹ См.: *Чернявская Ю. В.* Этническое время в хронотопе народа // *Человек*. 2006. № 1. С. 78–88.

² *Эпштейн М.* СССР. Из Америки // *Эпштейн М.* Все эссе: в 2 т. Екатеринбург, 2005. С. 16.

Малая родина («моя земля»). Итак, гештальт большого пространства строится по образцу малого. «Моя земля» не обладает могуществом. Это ахматовские «лопухи и крапива», цветаевская «рябина». Это «избы серые твои».

И снова, снова любовь, бессмысленнейшая на свете,
К размокшим плоским полям, к березовым листьям этим,
К несчастным ветхим плетням, к распятиям придорожным
И к этим серым глазам, бесслезным и безнадежным.

Казимира Иллакович

Образ «моя земля» распадается на пазлы локальных участков. Потому он связан с группой, с общиной, с со-обществом, имеет осязаемый характер и вызывает эмоциональный отклик. Этому служит представление об исконности этого места: его образ принимается членом группы в категориях прирожденности, отождествляемых с «при-родностью». Так, исследования Н. М. Лебедевой показали: стереотип «при-родности» настолько силен, что группы русских, проживающих в Закавказье более ста лет, в качестве наиболее привлекательного пейзажа избирают ландшафт, характерный для средней полосы России³.

В час безвременья и смуты образ малой родины является вместилищем этничности и локусом этнической повседневности. Зачастую даже сама этничность тяготеет к местному самоопределению. Так, в периоды принадлежности к Польской короне и к Российской империи население белорусских земель, не имея возможности отождествлять себя с государственным целым, идентифицировалось по принадлежности к землячеству, княжеству, воеводству (мозыряне, речичане и т. д.) и/или по общине (заволочане, кричане и т. д.). Ответ на вопрос об этнической принадлежности звучал так: «Я тутэйшы» («здешний»).

Отличие от великой державы малая родина дает человеку ощущение личной незаменимости. Нередко оно зиждется на страдании: малая родина всегда угнетена (или долгие века угнеталась). Она связана с мифом о «добром и разобщенном народе»⁴, который не способен противостоять «злым и консолидированным» захватчикам. Этот миф противоречиво сосуществует с государственным, куда включены воинские победы того же народа. Эти противоречия снимаются путем временного дифференцирования: сперва была великая страна, затем пришли захватчики, и большая родина исчезла: осталась лишь моя земля. Образ захватчиков всегда создается в зависимости от нужд дня сегоднешнего.

Таким образом, малая родина предстает в одной из двух коннотаций. Либо это «остаток» некогда великой державы, либо же конкретная местность,

³ *Лебедева Н. М.* Эмпирическое исследование психологической адаптации этнической группы к иной природной среде (на примере русских старожилов Закавказья) // *Духовная культура и этническое самосознание наций*. М., 1990. Вып. 1. С. 101–128.

⁴ См.: *Филиппов В. Р.* Новейшее этнополитическое мифотворчество «национальной интеллигенции» // «Новая» Россия: социальные и политические мифы: материалы Рос. межвуз. науч. конф. М., 1999 ([Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://liber.rshu.ru/Conf/Newrussia_polit/filippov.htm).

связанная с человеком примордиальными узами¹. В обоих случаях она граничит с метафизической родиной.

Метафизическая родина — это наиболее разноплановый и противоречивый образ места, «воображение места». С одной стороны, это самый идеальный вариант большой родины, который можно назвать утопией идеального отечества. С другой — этот образ исходит из субъективного представления этнофора о «моей земле». Наивно было бы полагать, что первое из этих представлений сконструировано элитами, а второе — эссенциально, хотя бы потому, что они неразрывны. Идеальный «родной уголок» легко переходит в категорию идеального Отечества, если придать ему характеристики скола великой державы (вкуче с современными интенциями расширения), а большая родина уместается в самой «малой» — в сердце человека, хотя бы в силу ее фрагментарного восприятия. Можно предположить, что утопия идеального Отечества состоит из двух частей. Первая совокупность представлений связана с образом «*родины-в-Родине*», вторая — с образом «*Родины-над-родиной*».

В первом случае модель Родины обладает государственно-пространственными чертами: ширь и величина, границы, идеологическое содержание и т. д. Однако это представление дискретнее образа большой родины. Моделирование «родины-в-Родине» индивидуально, ситуативно, калейдоскопично. Она может включать родной город в виде исполненных личного смысла «кластеров пространства»² — впечатлений от поездок, сведений из учебников, книг, литературных аллюзий, идеологических штампов и художественных образов. Несмотря на фрагментарность этого представления, оно способно охватить все пространство Отечества — причем в настоящем времени.

Другую модель метафизической родины можно условно назвать «Землей обетованной» («Родиной-над-родиной»). Она где-то есть или некогда была, и на ее фоне положение реальной родины выглядит незавидным. Отсюда стремление к ее обретению или воссозданию в будущем. Тем самым — в отличие от первой модели, существующей пусть дискретно, но в настоящем времени, — вторая перенесена в прошлое и/или будущее. Есть и другое различие: если «родина-в-Родине» — конструктор, созданный человеком (впрочем, он может объединяться с другими подобными; тогда речь может идти о групповом образе), то идеальность «Земли обетованной» — плод групповых усилий, а в наиболее значимом для нас аспекте — всего этноса.

«Земля обетованная» может существовать в реальности (некая другая страна). Так, это может быть «отечество свободы», образ которого возникает из сравнения с собственным «отечеством несвободы»: это и острова, на которых процветают «счастливые дикари», и послереволюционная Франция для интеллектуалов Европы, и США для советских инакомыслящих, и «цивилизованный мир» для

постсоветского человека. Также «Земля обетованная» может предстать в виде «духовного отечества» — идеализированного образа отдаленной страны (Индии, Тибета): часто он связан с заимствованием экзотической религии (кришнаиты, буддисты и т. д.). «Духовное отечество» может быть найдено и в другом времени (современные субкультуры рыцарей, трубадуров, реконструкторов и т. д.) или в фантазии (толкиенисты и др.). Все эти группы объединяются одним: их «родина» недостижима. Недостижимость — необходимое свойство «Земли обетованной»: благодаря ему затрудняется проверка идеала на идеальность.

Все эти образы — удел групп, субкультур. Есть, пожалуй, лишь одна модель, которая может стать движущим механизмом для всего этноса. Это идеализированный образ собственного этнического пространства (наша земля как «Земля обетованная»). Он творится духовными и правящими этническими элитами, после чего спускается «в народ», где обретает личностные и субкультурные черты. Затем в трансформированном этнической повседневности виде он вновь поступает в пользование интеллектуалов (например исследователей) и приобретает новые модификации. Поскольку такая модель творится на смешении «языка» и «метаязыка», она обречена на внутреннюю противоречивость. Так, она одновременно отправляется и от идеи «великой державы», и от идеи «малой родины»: статус центра, ширь, власть, цивилизаторская миссия объединяются с представлениями о природности — вплоть до общего происхождения членов этноса. Важно, что эта модель воспринимается не как модель, а как истинная реальность.

Этот синтетический образ «истинного отечества» особенно востребован в эпоху перекройки территорий, когда общность актуализует все усилия по новому «освящению» земли. Необходимость адаптации к сложным условиям диктует поиски метафизического отечества. И оно находится — на границе места и времени. Это время — прошлое. Тоска по большой родине реализуется в реанимации забытых или в «открытии» новых сведений о древней обширной территории, мощном государстве. Здесь не столь уж важно, какое отношение эти представления имеют к реальности: гораздо важнее факт убежденности в том, что они истинны.

Итак, идеи величины, государственности, завоеваний и побед, высокой степени цивилизации в образе «Родины-над-родиной» причудливо совмещаются с идеей «прирожденности» этой земли для этноса (нации). Факт, что эти смыслы не соответствуют друг другу, не осознается или оценивается как несущественный. Механизм рационализации, предпринимаемой для объяснения противоречий, — временное дифференцирование. Но обычно и этого не требуется. Каким же способом два эти концепта соединяются в один, и столь мощный, что его раздробленность «не читается» не только этнофорами, но часто и исследователями?

Думается, этот синтез возможен потому, что и государство, и «прирожденная земля» имеют единый корень — представление об этническом пространстве как о некогда реализованном на родной земле идеале. Речь идет о вмещении данной Богом «Земли обетованной» в концепт государства и переносе

¹ Нередко обе эти ипостаси сочетаются: так, в этнокультурном сознании белорусов соседствуют два образа — малой родины как части большой (Великого княжества Литовского или СССР) и малой родины как «роднага кута» («родного уголка»).

² Тишков В. А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 290.

на него ее мифологизированного содержания. Тем самым противопоставление «моей земли» и великой державы снимается. Отсюда — эклектика не просто в повседневном этнокультурном дискурсе, но и в границах научного: «моя земля» предстает в виде изначального государства, а большая родина понимается как моноэтническое образование (этому представлению не мешает тот факт, что на пространстве большой родины могут жить сто с лишним этнических групп); люди, жившие (живущие) на ней, одновременно и толерантны, и воинственны; все этногруппы равноправны, но титульный этнос «равноправнее» других и т. д.

Если окинуть взглядом названные «гештальты отечества», возникает вопрос: в каком из них проходит жизнь человека и бытие всего этноса? В государстве, как сосуде, вмещающем нацию? Но его границы непостоянны: они не «по росту» общности (отсюда крен, с одной стороны, в план метафизического отечества, а с другой — в локальные участки «малой земли»). В малой родине? Но ее облик строится на воспоминаниях о тех временах и местах, которых уже нет: в этом смысле «моя земля» неизбежно граничит с метафизическим отечеством. Кроме того, фактическое своеобразие «малых родин» все более унифицируется государством. И, наконец, «моя земля» может воодушевить человека, группу, но не всю общность: это локальный образ. Потому в критических для этноса обстоятельствах разнообразие малых родин может стать даже помехой.

Что же остается? Метафизическая родина, ибо она располагается не в сфере территории, а в сфере культуры, что делает возможным неустанное генерирование новых форм, вмещающих в ее пространство и этнос, и группу, и человека. На этом образе география заканчивается. Начинается родина.

В. Л. РАБИНОВИЧ: — Хочу вернуться к выступлению Вадима Михайловича Межуева. Когда он говорил о том, что время можно расклассифицировать на три вида, они легко угадывались: прошедшее, настоящее и будущее. Затем он добавил, что это также додемократизм, демократизм и постдемократизм, и это тоже можно было предугадать. Но непредсказуем он был, говоря о том, что необходимо выигрывать войну за время. Это совершенно новая мысль. Однако когда он говорил, что традиция — это плохо, что модерн лучше и надо прорываться к модерну, он забыл, как мне кажется, о том, что наследуется только новое и только новое имеет традицию. То, что не было новым на момент своего бытия, то как бы не существует, и поэтому традиция олицетворяет вечное настоящее, то есть настоящее прошедшего, настоящего настоящего и настоящего будущего...

В. М. МЕЖУЕВ: — Традиция — это неразличение сущности.

В. М. ДИАНОВА¹: — Для меня диалог — это не только взаимопонимание. Безусловно, это взаимообогащение культур, когда каждая из них не про-

сто остается при своей позиции, но в результате диалога что-то заимствует у другой.

Усиливающееся в современный период глобализации межкультурное взаимодействие протекает в разных сферах: экономической, политической, правовой, научной, военной, религиозной, художественной, образовательной и др. Каждая из этих сфер характеризуется специфическими особенностями осуществления коммуникации. Хотя всем феноменам культуры имманентно присуща коммуникативность, однако не во всех коммуникативных процессах реализовывается так называемое коммуникативное равноправие. В связи с этим мы склонны различать понятия «коммуникация», предполагающее передачу сообщения (информации), и «диалог», относящееся к взаимной коммуникации и предусматривающее участие в ней равноправных партнеров, способных прийти к взаимопониманию.

Проникшее в гуманитарные науки из военной сферы понятие «стратегия», к которому мы прибегаем для изложения своей темы, неслучайно, поскольку содержит характеристику особой направленности в передаче информации, подразумевает векторность, необходимые приемы в коммуникации для получения ожидаемого эффекта (результата). Когда речь идет о межкультурном взаимодействии, стратегия предполагает определенный выбор программы действий, соответствующую линию поведения, особую форму подачи информации. В критические периоды развития общества и культуры поиск необходимой коммуникативной стратегии выступает в качестве особой идеологической, политической или практической проблемы. Всякая коммуникативная стратегия включает определенную концептуально-теоретическую компоненту. Изменение социально-культурного контекста побуждает к формированию соответствующих концептуальных построений, которые связаны с конкретной реальностью, отчасти являясь ее отражением и в то же время становятся неким стимулирующим фактором, согласно которому она развивается. Но они же, эти концептуальные построения, могут быть низвергнуты той же самой реальностью, то есть ходом реальных событий, и тогда на смену им приходят новые концептуальные построения, которые в свою очередь являлись некими стратегическими теориями для развития и осуществления конкретных социальных действий.

В связи с этим можно заметить, что этапы глобализации могут быть различными по отношению к выработке и осуществлению разных стратегий, которые проявляются не только в конкретных действиях (война — насилие, религия — вера, идеология — принуждение, тиражирование массовой культуры — экспансия), но и в концептуальном осмыслении происходящих процессов. Один из начальных этапов современного протекания процессов глобализации получил название «плавильного котла» — метафорическое выражение, характеризующее ориентацию на неизбежность нивелировки всех культурных различий, их «сжиганий» и тем самым приведения культурного многообразия к гомогенизации. Такого рода стратегия вызвала осуждение, сопротивление и потому оказалась не состоятельной. На смену ей пришли иные стратегии,

¹ Профессор кафедры теоретической и прикладной культурологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук.

воплотившиеся в новых концептуальных построениях. Одно из них — концепция мультикультурализма, которая обосновывала возможность сохранения своеобразия, локальную самодостаточность и тем самым, как оказалось, способствовала не взаимопониманию и консенсусу, но в крайних своих проявлениях — разжиганию расизма, межнациональной розни и нетерпимости. Вызвала сопротивление и стратегия навязывания стереотипов американской культуры, получившая ироничное название «макдоналдизация». Расширение масштабов глобализационных процессов и осуществление их в разных регионах на материале локальных особенностей привело к признанию многоликости глобализации, вызвало необходимость обоснования гибридных моделей культуры и соответствующих им коммуникативных стратегий. Поскольку культура интегративна, то в одно и то же время мы имеем всевозможные культурные практики с использованием разнообразных стратегий. Их соотношение варьируется в конкретные исторические периоды в целом и в отдельных регионах в частности. В связи с этим понятно, насколько важна задача философско-методологического обоснования коммуникативных стратегий как формы проектирования и реализации социальных взаимодействий между разными субъектами.

Полагаем, сегодня, когда нам известны сложившиеся стратегии межкультурного взаимодействия и их последствия для культуры и общества, наиболее очевидной стратегией, которая обещает быть продуктивной в решении взаимных проблем в условиях многовекторных процессов протекания глобализации, становится стратегия ведения межкультурного диалога, ведущая к возможности и формированию диалогового сообщества. Диалоговое сообщество — это общение свободных людей. Конечно, диалог предполагает наличие такой мировой системы, где не выстроена социокультурная иерархия, где может сложиться реальное равноправие участвующих в диалоге партнеров. Цель диалога — не устранение культурного разнообразия, а осуществление каждым участником общения своего права на свободное самоопределение. Такая потребность в диалоге возникает в связи с появлением особого типа сознания общечеловеческого родства, формирующегося в связи с необходимостью становления общечеловеческой цивилизации, сохраняющей культурное многообразие.

В заключение хочу привести забавный пример из жизни. Один мой знакомый физик, уважаемый доктор наук, как-то мне сказал: «Ты знаешь, недавно я узнал, что у меня есть ментальность». Да, это, конечно, смешно, можно об этом и не знать, но о том, что у нас есть идентичность, мы более-менее знаем — религиозная, национальная, этническая, цивилизационная, в конце концов.

В. М. МЕЖУЕВ: — А физик хорошо сказал.

В. М. ДИАНОВА: — Да. Я не буду называть всех авторитетных ученых, труды которых по этой теме я читала, можно сказать, классиков, в том числе и работы Вадима Михайловича, которые я часто цитирую. Может быть, я повторю его мысль: европейская культура изначально космополитична. То есть она складывалась в результате интеграции

разных составляющих влияний. Можно в самой европейской культуре проследить эволюцию этой идеи. Так, Вадим Михайлович говорит о романтиках, которые обратились к идее универсализации. А еще раньше Гёте мечтал о всемирной литературе, именно эта идея Гёте была подхвачена романтиками, а позже и нашими славянофилами, которые мечтали о действительно универсальных характеристиках человека.

В связи с этим я хочу поднять другую тему, точнее — глубже раскрыть проблему универсализации. Когда разум объявляли универсальным, можно сказать, что они ошибались, — разум не универсален. Можно говорить о новых трактовках универсальности сегодня, но это другой разговор.

Позволю себе также не согласиться с высказыванием уважаемого академика Гусейнова относительно «злостного космополитизма». У меня есть статья, посвященная космополитизму, данным вопросом я занимаюсь уже давно, поэтому считаю необходимым высказаться.

Думаю, что мы должны отказаться от негативных коннотаций данного понятия, которые сложились в советское время. Могу сослаться на авторитет целого ряда людей, которые пребывали в стенах Университета, где мы с вами находимся. Например М. Ростропович. Когда-то я сама назвала его космополитом, точнее, написала об этом, и боялась, вдруг я была несколько некорректна... Но потом я взяла сборник материалов, выпущенный вашим Университетом, и прочла в стенограмме круглого стола его выступление, где он пишет: «Да, я человек мира».

Я могу привести и другие откровенные высказывания авторитетных людей, которые считаются европейцами. Допустим, известная вам Юлия Кристева, болгарка по происхождению, у которой есть немало рассуждений на тему: «Да, я космополит». И я считаю, что будущее европейской культуры именно за этим. Многие авторы отождествляют или сближают понятия космополитизма и универсализма. Я бы сказала, что глобализация — это универсальные тенденции в составлении культуры, то есть не единообразие.

Раз существует такая проблема, а значит и потребность, в формировании единой или, скажем, глобальной культуры, то мы неминуемо к этому придем. Какая она будет? Мы, теоретики и практики, должны способствовать, чтобы она сохранила многообразие. Ее можно назвать универсальной культурой, которая едина во всем своем многообразии, и за этой часто повторяемой фразой стоит большой смысл. Космополитические тенденции отнюдь не обусловлены сегодня очень многим. Можно говорить о транснациональных корпорациях, когда в них работают специалисты из многих стран, можно говорить о космополитизации биографии, когда женятся люди из разных стран и живут то там то здесь, и т. д. Кто он, кем будут его дети, как они себя идентифицируют? Непонятно. Но сегодня это нормальная ситуация, которая порождена целым рядом конкретных глобализационных процессов в постинформационном обществе. Периодика, книги, тексты — все, чем мы пользуемся сегодня, этому способствует. К слову, когда-то у нас издавался журнал «Космополитен», потом он исчез на какое-то время, но на новом этапе его издание опять возобновили.

Причем в его основе — стопроцентный иностранный капитал. Безусловно, этот журнал относится к массовой культуре дам всего мира, в нем пишут о косметике, бытовой культуре и т. д. То есть космополитизм может быть прослежен на двух уровнях, и массовая культура в мире, несомненно, космополитична. Так, недавно я была в Египте и увидела, что толпы американских и европейских туристов привлекаются туда. Но кроме массовой культуры во многих случаях космополитична и элитарная культура, потому что доступны языки, информация и другое, то есть каждый из нас становится человеком мира.

В. К. МАМОНТОВ: — Что говорить, и наука, и право космополитичны...

В. М. ДИАНОВА: — Да, и наука, и право, и искусство всегда космополитичны. Не может быть патриотической литературы, как это ни странно звучит. Литература — достояние всего человечества. Я стою на таких позициях. И, мне кажется, оценки данных понятий давно нужно пересматривать, потому что они должны отвечать современным тенденциям. Конечно же, при глобализационных процессах обостряются разного рода националистические тенденции, локальные или региональные, поскольку это обоюдный процесс, многогранный, и мы все погружены в него. И тем не менее, я убеждена, космополитизм — это хорошо. Космополитизм я определяю не как недостаток патриотического чувства или чего-то еще, а как приращение. Когда я понимаю не только себя, это не значит, что я забыла свои корни, своих предков и т. д. Это свидетельствует, что я обладаю универсальной культурой и потому понимаю другого лучше. То есть я понимаю космополитизм как наращение смысла, как наращение культуры. Мне кажется, культура всегда космополитична.

В. К. МАМОНТОВ: — Любая мировая религия космополитична.

В. М. ДИАНОВА: — Да, конечно.

Н. З. ТАКИЖБАЕВА¹: — Европейская ментальность, представляя собой особенность умственной деятельности определенного человека, народа, нации европейской цивилизации, так или иначе находит отражение и в локальной цивилизации Казахстана. В этих условиях остро встает проблема сохранения ментального иммунитета, способного защитить национальную культуру от деформации, когда ценности европейской ментальности все активнее завоевывают евразийское пространство, где Казахстану выпало быть промежуточным регионом, относящимся одновременно к Западу и Востоку. При этом система цивилизационных ценностей — то, что отличает локальные цивилизации друг от друга, — несет в себе и общечеловеческие ценности. Необходимо подчеркнуть, что эти ценности, в какой бы национально-традиционной форме они ни выражались, выступают в качестве общепризнан-

ных. Но не все люди сразу, безоговорочно и автоматически, их понимают и воспринимают как общечеловеческие. Эти ценности являются результатом естественного исторического процесса, их сущность всегда исторически конкретна. Ценности в любом обществе, являясь внутренним стержнем культуры, представляют собой базу диалога и партнерства различных культур и цивилизаций.

Для диалога представителей разных цивилизаций, для объединения людей нужна, как известно, общая система ценностей и принципов жизни. В общечеловеческой системе ценностей такую функцию выполняет идеология. В современном обществе она в основном плюралистична. Демократические общества, как известно, предполагают стремление к социальной справедливости, приоритет демократии, идеалов свободы, прав личности, свободу дискуссий, рыночных ценностей, формальное признание религии². Обобщенным критерием общечеловеческих ценностей являются в первую очередь демократия, обеспечение прав и свобод человека. Этому критерию и в России, и в Казахстане уделяют весьма пристальное внимание, о чем можно судить на примере трактовки понятия «суверенная демократия». Например, Олжас Сулейменов считает, что назначение наследника или преемника — пережиток монархического толка. Признак российской «суверенной демократии», а точнее будет — «демократии суверена», то есть правителя. По его мнению, для России важно сохранить преемственность курса, и это оказалось важнее соблюдения некоторых демократических норм. Честнее было бы провести референдум по одному вопросу уходящего президента: «Вы согласны, чтобы Д. Медведев стал президентом?» Поэт, ныне представляющий Казахстан в ЮНЕСКО, убежден, что в российской политике все явственней проступали черты Великой Китайской стены. Это, наверное, оправдывает евразийскую природу России.

Поэт-политик считает, что, в отличие от России, в Казахстане с критикой президента все по-европейски нормально. На его взгляд, политический портрет современного Казахстана представляет собой причудливое сочетание черт восточного авторитаризма и западной демократии. С нарастающим преобладанием штрихов последней³. Однако, по оценке западных специалистов, в частности американского политолога Марты Олкотт, демократия в Казахстане все такая же. Перемены, конечно, есть. Но половина их них не в лучшую сторону. Она считает: все, что будет сделано для демократизации, будет «перевернуто». То есть сделано по-своему и названо «демократией с казахстанским лицом». Но политолог убеждена, что демократия национальности не имеет⁴.

² Кузык Б. Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: в 2 т. / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. М., 2006. Т. 1: Теория и история цивилизаций. С. 470–472; *Философия* / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. М., 2007. С. 61; *Яковлева Л. И.* Философия как средство проектирования западной цивилизации: хрестоматия по западной философии XVII–XVIII вв. / под общ. ред. Л. И. Яковлевой. М., 2003. С. 12.

³ *Сагимбеков А., Жусуп Н.* Да, настала пора! Олжас Сулейменов отвечает на вопросы газет «Литер» и «Айкын» // *Литер*. 2008. 4 марта. С. 4.

⁴ *Скворцов М.* Марта Олкотт: Я не хочу рисковать здоровьем при въезде в Казахстан // *Тасжарган*. 2008. 21 февр. С. 15.

¹ Доцент кафедры всемирной истории и археологии Евразийского национального университета (Казахстан).

Наиболее ярко столкновение особого видения общечеловеческих ценностей в диалоге различных цивилизаций выявил знаменитый фильм известного британского комика Саши Барона Коэна: «Борат: знакомство с американской культурой на благо славного народа Казахстана».

В России, как и в Казахстане, этот фильм вышел только на DVD, к прокату он не рекомендован¹. Но в Казахстане пошли несколько дальше. Официальному сайту комика запретили размещаться в доменной зоне kz. Кстати, данный факт в официальном докладе Госдепартамента США, посвященном правам человека, приводится в качестве примера нарушения свободы слова в Казахстане².

Противоположная картина наблюдалась в странах западной цивилизации. В частности, С. Б. Коэн стал лауреатом кинопремии «Золотой глобус». За исполнение роли вымышленного казахского журналиста он одержал победу в номинации «Лучшая мужская роль в комедии или мюзикле». Его фильм номинировался на «Оскар». В начале мая 2007 г. американский журнал Time включил С. Б. Коэна в список самых влиятельных людей планеты. Руперт Мердок, миллиардер, владеющий голливудской студией 20th Century Fox, где был снят «Борат», смотрел этот фильм трижды и всякий раз «хотел до смерти». Главные голливудские журналы Hollywood Reporter и Variety написали: «Вероятно, вы не будете так смеяться еще целый год». Правда, журнал Time отреагировал по-гоголевски риторично: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» И уточнил, что фильм высмеивает американцев, а вовсе не Казахстан, как может показаться с первого взгляда³. Кстати, этой же точки зрения придерживается и Посол США в Казахстане Джон Ордвей, подчеркнувший, что он не смотрел этот фильм. Но из того, что слышал, фильм больше высмеивает Америку, чем Казахстан⁴. И как бы обобщенную, выражающую западноевропейский менталитет оценку этому фильму дал британский правозащитник Питер Тэтчелл: «Не будьте дураками, взгляните на этих недоумков — антисемитов, сексистов, расистов и гомофобов. Это же полные идиоты и абсолютные невежды. И это главный посыл фильма»⁵.

Конечно, и на Западе нашлись недовольные этим фильмом. Против С. Б. Коэна было возбуждено несколько судебных исков. В том числе один в Германии и несколько в США (в штатах Калифорния, Джорджия, Алабама, Южная Каролина). Однако американский суд отказался рассматривать иск против С. Б. Коэна⁶.

¹ Мердок хочет посмеяться над «Боратом-2» // Известия. 2007. 13 февр. С. 10.

² См.: Борат мне брат? // Эпоха. 2007. 16 марта. С. 2.

³ Борат, который прославил Казахстан // Свобода слова. 2007. 25 янв. С. 9; Комик сильнее президента // Свобода слова. 2007. 10 мая. С. 23; Мердок хочет посмеяться над «Боратом-2» // Известия. 2007. 13 февр. С. 10.

⁴ Бурдин В. Моя задача — быть хорошим послом: На вопросы наших читателей отвечает Чрезвычайный и Полномочный Посол США в Казахстане Джон Ордвей // Время. 2008. 6 февр. С. 2.

⁵ Галкина Г. Господин провокатор // Известия. 2006. 10 нояб. С. 9.

⁶ Там же; Не учите его жить! Американский суд отказался рассматривать иск против Саши Барона Коэна // Время. 2008. 23 янв. С. 9 (перепечатка The Sunday Telegraph).

По оценке самого сатирика, подобные пародии он делал в отношении многих стран. Но с Казахстаном, как это ни странно, получилось наиболее удачно: «Здесь много гротеска. Но речь не идет о деталях, — признается С. Б. Коэн. — ...я часто вижу ваших дипломатов, политическую и бизнес-элику, приезжающую в Европу. В их поведении много такого, что вызывает иронию. Ну допустим, казахстанский посол в Англии. Сначала он извергал ругательства, грозился подать в суд, что само по себе было очень смешно».

Таким образом, реакция, проявленная мировой общественностью на сатирический фильм, где затрагивались общечеловеческие ценности, выявила не только европейскую ментальность Запада, но и ее трактовку локальной цивилизации Казахстана. Зная свои пробелы, теперь легче сформулировать основные направления, по которым следует двигаться стране, для того чтобы достойно войти в когорту мировой цивилизации, где все общечеловеческие ценности соблюдаются как инвариантные, неизбывные. И задача философов — определить специфические черты локальной цивилизации, в частности Казахстана, где дух европейской ментальности не будет ограничен ничем, кроме как общечеловеческими ценностями⁷.

В. К. МАМОНТОВ: — Я хотел бы добавить, что без наших казахских партнеров газета «Известия» не выходила бы в Казахстане, а это очень важный объединяющий момент.

И. Н. ПАНАРИН: — После выступления В. М. Межуева и блестящего дополнения к нему со стихотворением В. Л. Рабиновича у меня появился вопрос. Господин Межуев не предложил схему, что делать дальше, через 300 лет? Или, как он говорит, что же нам, развалиться?..

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — Это не наш путь. Я для вашего «экспертного» сообщества хотел бы все-таки предложить схему. По Бердяеву, у нас сложилась традиционная матрица сознания, консервативный путь мышления. Но он не так и плох, он консервирует не только негативные составляющие, но и все лучшее, ту самую европейскую ментальность. Эта «инновационная матрица сознания» сегодня нам очень нужна. Я бы предложил три ключевых термина: самоуважение к себе, своей истории, самоорганизация и самореализация. На идеи каких философов, политологов мы можем опереться сегодня, для того чтобы совершить действительно инновационный рывок? На славянофилов или западников? Или мы можем опереться на какие-то общепринятые неразделяющие явления, такие как День Победы (этот праздник объединяет всех)?

Сегодня информационное пространство становится таким же геополитическим фактором, как территории, природные ископаемые и пр. Позиция первая. Для того чтобы «вести» пером, надо, чтобы тебя услышали. Необходимы законы о защите русского языка, но не в том смысле, как предлагал Жириновский — запретить использовать иностранные

⁷ Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2004. С. 197; Яковлева Л. И. Указ. соч. С. 26.

слова и т. п. В развитие языка надо вкладывать силы и средства. Институты русского языка являются такими же стратегическими объектами, как оборонные предприятия. Защита русского языка подразумевает закон, как во Франции, например, где любые международные конференции, проходящие на ее территории, проводятся на французском языке. Это способствует и развитию переводческой практики, и многому другому. Нужны законодательные акты в защиту русского языка. Даже в самой России очень трудно купить (где-нибудь в сибирских городах или далее, то есть за пределами Москвы и Санкт-Петербурга) периодические издания столиц, например «Известия». Поэтому государство должно вкладывать средства не только в футбольные команды, но и в родной русский язык.

В советское время были соответствующие институты, издательства, которые переводили и издавали работы отечественных философов, социологов, психологов и т. д. А сейчас мы должны встраиваться в конъюнктуру западного рынка, чтобы издать что-то на английском. Нужно государственное поощрение, чтобы переводить на иностранные языки труды наших ученых и деятелей искусства, нужны государственные корпорации, которые занимались бы переводом и пропагандой российской литературы, философии, социологии, психологии и т. д. Необходимо вести некую наступательную политику в области информационного пространства.

Г. М. БИРЖЕНЮК¹: — Любая дискуссия напоминает то, что в ботанике называется перекрестным опылением, и в этом главная ценность такого рода коммуникации. Разговор, который здесь происходит, очень интересен, и я попытаюсь внести в него свой вклад в виде попытки осмысления духа и границ европейской ментальности. Как представляется, Россия с точки зрения доминирующих в обществе настроений весьма и весьма далека от Европы. Различные исследования, прежде всего те, что проводятся в рамках Института психологии РАН, фиксируют неудовлетворительное психологическое состояние российского общества. Основные психологические проблемы — это массовое чувство социальной несправедливости и физической незащищенности, неуверенность в завтрашнем дне, утрата смысла. Именно последнее обстоятельство является ведущим мотивом самоубийств. Кстати, по этому показателю мы занимаем второе место в Европе и СНГ (первое место — у Литвы). Ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств и тяжких телесных повреждений, около 2 млн детей страдают от жестокости родителей, 50 тыс. детей ежегодно убегают из дома, до 5 тыс. женщин гибнут от рук мужей и т. д.

Нужно ли говорить, что подобного нет ни в одной стране Европы и, соответственно, психологическое состояние европейского общества, как и его ментальность, являются принципиально иными, чем у россиян. В этом контексте вопрос о том, являемся ли мы европейцами, все же носит риторический характер.

Но и европейская ментальность не остается неизменной. Очень точную характеристику дал ей

буквально на днях известный словенский философ Славой Жижек. На венском театральном фестивале, тема которого была «XX век как пролог XXI», он в своей лекции говорил: «Мы потребляем не вещи, а знаки статуса? Да, так было еще недавно. Для меня уличным символом 1990-х был один процветающий врач в Любляне. Он все пытался ездить по нашему небольшому городу на “Линкольне”, с превеликим трудом лавируя на узких улицах. Но “потреблять знак” это не мешало.

Однако то время ушло. Мы даже стали скромней — внешне скромней. Сегодня мы покупаем качество проведенного времени. Покупаем осмысленное удовольствие — в цену путешествий, музейных билетов, концертов заложено наше тихое довольство собой. Мы вошли в эпоху умеренного гедонизма, где можно купить даже немножко милосердия... немножко социальной ответственности. Отдавая пять евро не за чашку эксклюзивного капучино, а на некий социальный проект, мы платим за положительную самооценку. И, возможно, за те же деньги покупаем право больше не думать о бедах мира. Никогда никакое общество не жило так невинно, благополучно и безмятежно, как живет весь Запад в последние 60 лет. Но прочно ли это? Даже самые наивные из нас уже не верят в “конец истории”. Что будет завтра?»

Такой ментальности у россиян тоже пока нет. Будет ли она когда-то такой? Ответ придется ждать лет сто или двести. Но сейчас, если даже мы войдем в единую Европу, когда полосатые пограничные столбы станут не более чем символом, они все равно будут отграничивать территорию российской ментальности и ментальности европейской, поскольку этот дух, представляя собой нематериальную субстанцию, с российским духом принципиально не перемешивается.

В. К. МАМОНТОВ: — В заключение мне хотелось бы сказать о том, что мне показалось важным и полезным. Здесь было сказано, что имперские амбиции — единственный путь России не отстать от Европы. Интересная мысль, хотя и чрезвычайно спорная. Не мы ли несем ту «арматуру» духовных или иных ценностей, которые Европа сегодня теряет?

25 тыс. английских болельщиков, которые приехали на одни сутки в Москву и провели их там абсолютно нормально, несмотря на дождь, убедились в том, что у нас по улицам ходят красивые девушки, а не медведи, и вернулись домой, я думаю, благополучно. Это и есть та самая народная дипломатия. Мы наконец додумались до совершенно простой вещи — дать им паспорт, билет и просто пустить в страну. Это очень важный момент.

Но для меня в нашей дискуссии самым главным остался вопрос, как же нам за время-то побороться, потому что и отставать нельзя, и себя потерять в этой битве невозможно.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я поддерживаю сказанное Владимиром Константиновичем и думаю, что этот разговор был очень полезным. Хочу только добавить, что Европа и Россия — это очень большие феномены, которые содержат такое количество ситуаций, сложных историй и тому подобного, что мы можем подобрать огромное количество фактов для

¹ Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор.

обоснования любой точки зрения. Как мы логически выстроим это взаимодействие — единство, различия, борьба? Весь вопрос в том, чего мы хотим. Мне кажется, наша ключевая проблема — это все-таки глубокий, не буду говорить метафизический, но духовно-экзистенциальный разлад, который есть в нашем обществе. Непонятно, с какой точки

зрения мы на это смотрим и рассуждаем. Чего мы хотим? В этом смысле разрешение всех споров состоит в том, чтобы найти какое-то адекватное основание для своего единства, для того, чтобы мы оставались при всех своих различиях единицами чего-то целого. А вот единицы чего, какого целого — сейчас это еще непонятно.